

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

АСПИРАНТСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ежегодная научная конференция
молодых ученых

Санкт-Петербург, 23 мая 2024 года

МАТЕРИАЛЫ

Санкт-Петербург
2024

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АСПИРАНТСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ежегодная научная конференция
молодых ученых

Санкт-Петербург, 23 мая 2024 года

МАТЕРИАЛЫ

Санкт-Петербург
2024

УДК 34::33(08)
ББК 67:65я43
А90

Под общей редакцией Ш. М. ШУРПАЕВА, заведующего кафедрой Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидата юридических наук, кандидата экономических наук.

А 90 Аспирантские чтения : материалы ежегодной научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 23 мая 2024 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. Ш. М. Шурпаева. — Санкт-Петербург : СПбЮИ (ф) УП РФ, 2024. — 1 CD-R (256 КБ). — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более ; 512 Mb и более ; CD/DVD-ROM дисковод ; Microsoft Windows XP и выше ; SVGA 800×600.16 bit и более ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. — Загл. с экрана. — Текст : электронный.

Материалы печатаются в редакции авторов

УДК 34::33(08)
ББК 67:65я43

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андреева О. В.</i> К вопросу о реализации Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия.....	5
<i>Берездовец М. С.</i> Некоторые особенности использования в судебном доказывании заключения эксперта по делам о незаконном предпринимательстве.....	12
<i>Бубёнов М. Г.</i> Состояние и динамика киберпреступности и доля киберхищений в ней на современном этапе.....	16
<i>Вилинский Г. О.</i> Некоторые вопросы совершенствования информационного взаимодействия в сфере противодействия финансированию терроризма и экстремистской деятельности.....	19
<i>Долгополов Г. А.</i> Генезис нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования).....	24
<i>Доржиева И. Б.</i> Некоторые вопросы, связанные с рассмотрением гражданского иска прокурора в уголовном судопроизводстве.....	29
<i>Каменданова М. С.</i> Контрабанда наличных денежных средств: некоторые проблемы, возникающие в досудебном производстве.....	33
<i>Коленченко А. А.</i> Детерминированность уголовной ответственности за посягательства на права и законные интересы участников корпораций.....	35
<i>Корнева Т. С.</i> Место единоначалия среди принципов организации и деятельности прокуратуры.....	41
<i>Кочева Д. В.</i> Об интерпретации права прокурора беспрепятственно входить на территории и в помещения.....	45
<i>Кулешова А. А.</i> Преступные нарушения правил охраны и использования недр (ч. 1 ст. 255 УК РФ).....	50
<i>Макеева И. А.</i> К вопросу о возможности использования систем видео-конференц-связи при производстве следственных действий с гражданами, находящимися за пределами Российской Федерации.....	56
<i>Пушторская Е. В.</i> О некоторых проблемах удовлетворения гражданского иска по делам о налоговых преступлениях.....	61
<i>Романько А. Г., Лихоманова Я. Ю.</i> К вопросу о взаимодействии принципа языка с иными принципами уголовного судопроизводства.....	66
<i>Славич А. С.</i> Определение и доказывание предмета преступления, предусмотренного статьей 238 УК РФ.....	71
<i>Суходолов А. С.</i> К вопросу о понятии уголовного преследования по делам частного обвинения.....	76
<i>Чехонина А. А.</i> Уголовная ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность: обзор доктринальных и практических проблем.....	81
<i>Шабалина М. А.</i> Социальная обусловленность уголовной ответственности за самовольное оставление военной части.....	88
<i>Шеставин Д. А.</i> Особенности прокурорской деятельности по обеспечению законности рассмотрения обращений граждан, поданных на иностранном языке и языке народов Российской Федерации.....	94
<i>Шульц В. Л.</i> Некоторые особенности участия государственного обвинителя в судебном следствии.....	99

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНВЕНЦИИ ОБ ОХРАНЕ ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Ольга Владимировна АНДРЕЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, olkandreeva@yandex.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент **Вениамин Владимирович ЛАВРОВ**, veniaminov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос имплементации механизма реализации Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. в национальное законодательство.

Ключевые слова: культурное наследие, Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия

ON THE ISSUE OF THE IMPLEMENTATION OF THE CONVENTION CONCERNING THE PROTECTION OF THE WORLD CULTURAL AND NATURAL HERITAGE

Olga V. ANDREEVA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg
olkandreeva@yandex.ru

Scientific adviser — Head of the Department of Public Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, **V.V. LAVROV**, veniaminov@mail.ru

Abstract: The article considers the issue of implementing the mechanism for the implementation of the Convention on the Protection of the World Cultural and Natural Heritage of 1972 into national legislation.

Keywords: cultural heritage, Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage

Российская культура является неотъемлемой частью мировой культуры, элементом внешней политики, важным инструментом для диалога на международном уровне.

Несмотря на сложную внешнеполитическую обстановку и разрыв отношений России с некоторыми государствами, руководство нашей страны поддерживает продолжение сотрудничества нашей страны в рамках ЮНЕСКО, что подтвердил в ходе своего выступления в ноябре 2023 года

на Санкт-Петербургском культурном форуме Президент Российской Федерации В. В. Путин¹.

Как отмечают А.Ю. Винокуров А. Ю. и А. В. Чурилов, исходя из положений ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в практической деятельности прокуроров должно обязательно учитываться действие правовых норм, вытекающих из международных обязательств [1, с. 7].

Важнейшим международным актом в сфере охраны объектов культурного наследия является Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (далее — Конвенция), принятая 16.11.1972 на 17 сессии Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и объединяющая на сегодня более 190 стран. Конвенция вступила в силу 17.12.1975, после чего начался процесс формирования Списка всемирного наследия, включения в него объектов, обладающих выдающейся универсальной ценностью, охрана которых является обязанностью не только государства, на территории которого расположены указанные объекты, но и всего международного сообщества в целом.

Конвенция устанавливает понятие культурного наследия, содержит общие требования к его национальной охране, просветительским программам; определяет статус Межправительственного комитета по охране объектов всемирного наследия, Фонда охраны объектов всемирного наследия, условия и формы предоставления международной помощи и другие вопросы.

При этом порядок работы по внесению объектов в Предварительный список, Список всемирного наследия и Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, порядок охраны и сохранения объектов всемирного наследия с учетом функций Комитета всемирного наследия и его Секретариата установлен Руководством по выполнению Конвенции, утвержденном 30.06.1977 в Париже решением 1-й сессии Комитета всемирного наследия № СС-77/CONF.001/8 (далее — Руководство по выполнению Конвенции).

В Советском Союзе Конвенция ратифицирована только в 1988 году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 09.03.1988 № 8595-ХІ без каких-либо оговорок и заявлений.

Будучи правопреемником СССР и соответственно государством-стороной Конвенции, Российская Федерация обязана выполнять международные обязательства, вытекающие из Конвенции, в целях обеспечения сохранности объектов всемирного наследия, для чего необходимо имплементировать соответствующие нормы в российское законодательство.

В преамбуле Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее — Закон № 73-ФЗ) определено, что объекты культурного наследия народов Российской Федерации являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. Однако фактически только ст. 25 Закона № 73-ФЗ содержит нормы по реализации Конвенции, касающиеся оснований для включения объекта культурного наследия в Список всемирного наследия и порядок направления необходимой для этого документации в Комиссию Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

¹ Путин отверг идею о выходе России из ЮНЕСКО: // Сетевое издание Ведомости (Vedomosti). URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/11/17/1006450-putin-otverg-ideyu>. (дата обращения: 12.05.2024).

При этом в настоящее время (по состоянию на декабрь 2023 года) на территории России расположено 32 объекта всемирного наследия, из них 21 объект включен по культурным критериям (в т. ч. «Древний город Херсонес Таврический и его хора», включенный в 2013 году Украиной), 11 — по природным.

В последние годы участились спорные ситуации, связанные с намечаемым строительством как на территории объектов всемирного наследия, так и на прилегающих к ним зонах, что вызывает беспокойство у экспертов из России и других стран. Это прослеживается и в решениях сессий Комитета всемирного наследия, в том числе в отношении объекта «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников (Санкт-Петербург и Ленинградская область)».

Увеличилось также количество обращений в прокуратуру Санкт-Петербурга по поводу несогласия со строительством на территории города из-за возможного нарушения положений Конвенции.

Верховный суд Российской Федерации в ходе рассмотрения одного из таких спорных вопросов о строительстве в границах объекта всемирного наследия и возможном нарушении Конвенции в своем апелляционном определении от 23.05.2018 по административному делу № 78-АПГ18-11, основываясь на положениях Конвенции, Руководства по выполнению Конвенции и положениях п. 3 ст. 5 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», с учетом разъяснений, содержащихся в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», указал, что положения Конвенции не носят самоисполнимый характер.

Еще в 2015 году по результатам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству, состоявшегося 25.12.2015, Президент России поручил Правительству Российской Федерации обеспечить соблюдение положений Конвенции, требований практического руководства по выполнению указанной Конвенции, а также решений Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО относительно объектов всемирного наследия, расположенных на территории Российской Федерации (подп. «б» п. 2 перечня поручений Президента Российской Федерации от 31.03.2016 № Пр-571).

Данные вопросы активно обсуждались в рамках заседаний Комитета всемирного наследия. В частности, на 38-й сессии Комитет призывал в срочном порядке обеспечить принятие юридических документов, необходимых для имплементации Конвенции¹.

Вместе с тем до настоящего времени такой закон не принят, что делает невозможным исполнение Конвенции и принятие надлежащих мер к сохранности объектов всемирного наследия.

Министерством культуры Российской Федерации неоднократно разрабатывался проект федерального закона, направленного на имплементацию

¹ Decision 38 COM 7B.32 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центра всемирного наследия ЮНЕСКО. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/6019/> (дата обращения: 12.05.2024)

норм Конвенции в национальное законодательство, при этом в связи с имеющимися замечаниями он так и не был принят.

В чем же состоит сложность внесения данных изменений в национальное законодательство?

Во-первых, Руководством по выполнению Конвенции (п. 169) установлена обязанность для государства — стороны Конвенции в каждом случае проведения работ, которые могут оказать воздействие на выдающуюся универсальную ценность объекта или состояние его сохранности, проводить оценку такого воздействия и представлять соответствующие отчеты.

Во-вторых, что чаще всего является поводом для обращения в органы прокуратуры и судебного рассмотрения вопросов о неисполнении Конвенции, согласно п. 172 Руководства по выполнению Конвенции государства — участники Конвенции обязаны сообщать Комитету всемирного наследия о намерениях проводить или разрешить на охраняемой Конвенцией территории (территория самого объекта всемирного наследия или его буферной зоны), крупномасштабные восстановительные или новые строительные работы, которые могут оказать воздействие на выдающуюся универсальную ценность (далее — ВУЦ) объекта.

При этом ни сама Конвенция, ни Руководство по ее выполнению понятия крупномасштабных работ не содержит, также как и порядка выполнения отчетов и оценки воздействия на ВУЦ объекта.

Исходя из данных норм очевидна необходимость определения в национальном законодательстве понятия крупномасштабных строительных работ и иных терминов, которыми оперирует Конвенция и Руководство по выполнению Конвенции, важно установить порядок проведения оценки воздействия планируемых работ на ВУЦ объекта культурного наследия, полномочия органов власти по формированию отчетов о состоянии сохранности объектов всемирного наследия, отчетов о выполнении решений Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО, иных отчетов, необходимых для выполнения международных обязательств Российской Федерации по Конвенции и Руководства по выполнению Конвенции.

Пункт 104 Руководства по выполнению Конвенции содержит понятие буферной зоны объекта всемирного наследия, под которой понимается территория, окружающая объект, обеспечивающая дополнительный уровень защиты объекта, имеющая дополнительные ограничения на ее использование и развитие.

Как верно отмечает М. С. Трофимова, в законодательстве Российской Федерации понятие «буферная зона» отсутствует, однако оно содержится в Национальном стандарте Российской Федерации «Проект охранных зон объекта всемирного наследия. Состав и содержание. Общие требования» (ГОСТ Р 58204-2018), утвержденном приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 21.08.2018 № 505-ст [2, с. 59] (далее — ГОСТ Р 58204-2018), который в силу законодательства Российской Федерации о стандартизации не является обязательным нормативным документом для применения.

Таким образом, для расположенных на территории России объектов всемирного наследия буферные зоны не установлены в связи с отсутствием

самого понятия такой зоны в российском законодательстве и полномочий органов власти по их утверждению.

Подп. 16 п. 1 ст. 9 Закона № 73-ФЗ к полномочиям федеральных органов государственной власти в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия отнесено утверждение границ зон охраны объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия, особых режимов использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах данных зон.

Анализируя в своей статье соотношение понятий «зона охраны объекта культурного наследия», «защитная зона объекта культурного наследия», «буферная зона» М.С. Трофимова обоснованно приходит к выводу о том, что категории «зона охраны объекта культурного наследия, включенного в Список всемирного наследия» и «буферная зона» не совпадают [2, с. 63].

При этом, учитывая комплексный состав законодательства, регулирующего вопросы, связанные с охраной объектов культурного наследия, как верно отмечает В.В. Лавров, вопрос имплементации норм Конвенции в российское законодательство потребует внесения изменений не только в основополагающий Закон № 73-ФЗ, но и иные нормативные правовые акты, в том числе в Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее — ГрК РФ), регулирующий вопрос выдачи разрешений на строительство [3, с. 176].

Так, например, пока в градостроительном законодательстве в перечне документов, необходимых для выдачи разрешения на строительство отсутствует уведомление, предусмотренное п. 172 Руководства по выполнению Конвенции о намерении выполнять крупномасштабные строительные работы, или иные документы во исполнение Конвенции, у органа государственной власти, осуществляющего выдачу разрешений на строительство, отсутствует законное основание для истребования у застройщика подобных документов и отказа в выдаче разрешения на строительство при их отсутствии.

Указанная позиция подтверждается судебной практикой¹, а в противном случае действия органа власти могли бы быть расценены как создание дополнительных административных барьеров для застройщиков.

Таким образом, вопрос имплементации норм Конвенции в национальное законодательство и выполнение требований о подготовке и направлении по каждому строительному проекту оценки воздействия на ВУЦ объекта неизбежно ведет к ситуации, когда на территории объекта, включенного в список всемирного наследия, могут быть приостановлены на неопределенный срок все строительные и инвестиционные проекты, что повлечет невозможность его дальнейшего развития и нарушит баланс между его сохранением и развитием.

Так, например, если речь идет об объекте всемирного наследия «Церковь Вознесения в Коломенском», то указанные требования не выглядят чрезмерными и излишними, однако совсем иначе данные нормы оцениваются, когда мы говорим об объекте всемирного наследия «Исторический

¹ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 30.07.2018 № 33а-16443/2018. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников (Санкт-Петербург и Ленинградская область)», общая площадь которого составляет 23 тыс. га, где вопросы строительства на территории являются важным условием для развития, функционирования крупного промышленного и туристического центра.

Кроме этого возникает вопрос, за счет каких средств должна выполняться оценка воздействия на ВУЦ объекта, будет ли это непосильным бременем для бюджетной системы или дополнительным обязательством для частных застройщиков, не отпугнет ли это их от желания инвестировать и, как в таком случае добиться подготовки объективной оценки воздействия на ВУЦ объекта.

Как отмечают исследователи данной темы, национальные законодательства многих европейских стран не соотносятся с положениями Конвенции в части понятийного аппарата [7], авторы, изучавшие нормативную базу Республики Беларусь, касающуюся охраны всемирного культурного наследия, на предмет соответствия международным обязательствам также приходят к выводу, что конвенционные положения реализуются не в полном объеме [8], и требуют дополнения национального законодательства [9].

В связи с изложенным некоторые авторы полагают, что данные проблемы обусловлены отсутствием единого для всех государств подхода к определению границ и содержанию охраны территории объекта культурного наследия и предлагают определить единый унифицированный межнациональный подход к определению территории объекта культурного наследия [2, с. 63].

По нашему мнению, вопрос механизма реализации положений Конвенции необходимо оставить в компетенции стран-участников Конвенции, поскольку иное противоречило бы самой специфике Конвенции, смысл которой в ее универсальности. Каждое государство, исходя из своей сложившейся национальной системы охраны объектов культурного наследия, компетенции публичных органов власти и развитости институтов гражданского общества, финансовых возможностей, должно определить указанный механизм, который учитывает и уникальные свойства объектов, включенных в список всемирного наследия, и их неоднородность.

Например, при определении понятия крупномасштабных работ возможно применение дифференцированного подхода по отношению к различным объектам всемирного наследия в зависимости от их площади, категории и других критериев.

Таким образом, в целях надлежащей охраны объектов всемирного наследия и выполнения принятых на себя Российской Федерацией международных обязательств необходимо скорейшее принятие нормативных правовых актов, направленных на исполнение Конвенции, при разработке которых важно учитывать мнение всех заинтересованных сторон с целью соблюдения баланса интересов (органов публичной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления, на территории которых расположены соответствующие объекты, реализующих полномочия как в сфере охраны объектов культурного наследия, так и в градостроительной области, экспертов Федерального научно-методического совета по сохранению

и государственной охране объектов культурного наследия, крупных профессиональных объединений строителей, специалистов в области сохранения объектов культурного наследия и др.).

Список источников

1. Винокуров А. Ю., Чурилов А. В. Охрана прав и свобод гражданина : обеспечение международных обязательств РФ / Винокуров А. Ю., Чурилов А. В. // «Законность». № 6. 1997. С. 7-15.

2. Трофимова М. С. Зона охраны и защитная зона объекта культурного наследия в Российском законодательстве и буферная зона в нормах международного права : к вопросу о соотношении категорий // *Beneficium*. 2020. № 3 (36). С. 55—67.

3. Лавров В. В. Прокурорский надзор за исполнением законов об охране объектов культурного наследия : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Лавров В. В. – М., 2016.

4. Агишева С. Т. Интерпретация понятия буферной зоны объектов всемирного культурного наследия: переход от принципов сохранения к принципам устойчивого развития исторических городских ландшафтов // *Известия КазГАСУ*. 2016. № 3 (37).

5. Павлова Л. В. Имплементация международно-правового механизма защиты всемирного культурного наследия в законодательстве Республики Беларусь / Л. В. Павлова // *Труды факультета международных отношений : научный сборник*. Том 1. Минск : Белорусский государственный университет, 2010. С. 93—98.

6. Мартыненко И. Э. Критерий «выдающаяся универсальная ценность» объектов всемирного наследия и его реализация в законодательстве / И. Э. Мартыненко // *Беларусь в современном мире: Материалы XVIII Международной научной конференции, посвященной 98-летию образования Белорусского государственного университета, Минск, 30 октября 2019 года* / Белорусский государственный университет. Минск : Белорусский государственный университет, 2019. С. 149—154

Информация об авторе

О. В. Андреева — аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about author

O. V. Andreeva — Postgraduate student of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СУДЕБНОМ
ДОКАЗЫВАНИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА ПО ДЕЛАМ
О НЕЗАКОННОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ**

Максим Сергеевич БЕРЕЗДОВЕЦ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия maximberezdovec@yandex.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Наталья Алексеевна ДАНИЛОВА**, bobteyl@mail.ru.

Аннотация. Автор анализирует специфику использования в судебном доказывании заключения эксперта по делам о незаконном предпринимательстве. Рассмотрены виды экспертиз, проводимые при доказывании обстоятельств преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. Проанализированы обстоятельства, препятствующие исследованию заключения эксперта в ходе судебного следствия.

Ключевые слова: незаконная предпринимательская деятельность, заключение эксперта, государственный обвинитель, судебное следствие

**SOME FEATURES OF THE USE OF AN EXPERT'S OPINION
IN CASES OF ILLEGAL ENTREPRENEURSHIP
IN JUDICIAL EVIDENCE**

Maxim Sergeevich BEREZDOVETS

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg
maximberezdovec@yandex.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor **N. A. DANILOVA**, bobteyl@mail.ru

Abstract. The author analyzes the specifics of using the expert's opinion in cases of illegal entrepreneurship in judicial evidence. The types of examinations carried out in proving the circumstances of a crime under Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered. The circumstances preventing the examination of the expert's opinion during the judicial investigation are analyzed.

Keywords: illegal business activity, expert opinion, public prosecutor, judicial investigation

В научной литературе традиционно уделяется значительное внимание вопросам, связанным с подготовкой к производству судебных экспертиз, их назначением, а также с изучением заключения эксперта. Это обусловлено как необходимостью использования специальных знаний в получении и исследовании доказательственной информации при расследовании преступлений различных видов (разновидностей), так и возрастающими возможностями экспертной деятельности, появлением новых видов экспертиз и новых методов исследования.

Специальные знания при расследовании преступлений можно определить как познания в определенных областях наук, применение которых необходимо для получения новых сведений в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию [1, с. 97].

Принимая во внимание то, что преступление, предусмотренное ст. 171 УК РФ связано с осуществлением предпринимательской деятельности, следователь зачастую сталкивается с недостатком специальных знаний в области бухгалтерского учета, финансовой деятельности субъекта предпринимательской деятельности, особенностей осуществления отдельных видов деятельности. Указанное предопределяет необходимость назначения и производства соответствующих экспертиз для установления всех обстоятельств совершенного противоправного деяния.

Судебная экспертиза представляет собой наиболее эффективную форму применения специальных знаний в рамках уголовного судопроизводства. Заключение экспертных исследований, оформленные в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, представляют собой важные и объективные доказательства по делу. Помимо этого, посредством проведения судебно-экспертного исследования возможно не только получить новые сведения, но и проверить достоверность уже имеющихся в распоряжении следствия сведений, с учетом которых формируется доказательственная база по уголовному делу [2, с. 165—166].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что при расследовании незаконного предпринимательства, нередко возникает необходимость в производстве следующих судебных экспертиз: товароведческая, судебно-бухгалтерская, технико-криминалистическая экспертиза документов, почерковедческая экспертиза, финансово-экономическая, комплексные судебные экспертизы и др.

Товароведческая экспертиза может быть назначена для определения различных потребительских свойств изготовленной продукции и изъятой в ходе осмотра места происшествия, обыска или выемки. На разрешение эксперту могут быть поставлены вопросы, касающиеся соответствия качества произведенной продукции требованиям закона; сырья, используемого при производстве этой продукции; фактической стоимости произведенной продукции и др. Анализ правоприменительной практики по делам о незаконном предпринимательстве свидетельствует о том, что товароведческая экспертиза в большинстве случаев назначается в ходе процессуальной проверки сообщения о преступлении в числе первоначальных проверочных мероприятий. Кроме того, учитывая специфику незаконного предпринимательства, следователь зачастую не может принять решение о возбуждении уголовного дела, не имея выводов эксперта-товароведа.

В случае необходимости исследования финансово-экономической составляющей хозяйственной деятельности субъекта предпринимательской деятельности по соблюдению требований законодательства о бухгалтерском учете и финансовой отчетности назначается судебно-бухгалтерская экспертиза. На разрешение эксперту могут быть поставлены следующие вопросы: имеется ли в документах бухгалтерского учета хозяйствующего субъекта записи о проверяемой финансово-хозяйственной операции; соответствует ли отражение финансово-хозяйственных операций требованиям руководящих документов в области ведения бухгалтерского учета и другие вопросы.

Технико-криминалистическая экспертиза документов необходима в случае возникновения сомнений следователя в подлинности того или иного документа, являющегося отражением хозяйственной деятельности субъекта преступления. Объектами такой экспертизы могут являться реквизиты и печати, бумага, чернила, следы от пишущих инструментов, следы химических составов, которыми осуществлялось внесение изменений в содержание документа или его отдельные реквизиты и др.

Экспертиза почерка представляет собой исследование рукописного текста, подписей, производимое для установления факта исполнения данного текста или подписи конкретным лицом. Такая экспертиза может ответить на следующие вопросы следователя: установить или опровергнуть факт написания текста конкретным лицом; установить способы выполнения отдельных элементов письменного документа; установить состояние лица в момент исполнения рукописного текста, а также некоторые свойства его личности (состояние опьянения, профессиональные и физические особенности, возраст, пол и др.). Объектом рассматриваемой экспертизы могут являться: рукописный текст, краткая запись, подпись.

Принимая во внимание значение заключения эксперта для доказывания вины подозреваемого (обвиняемого) в совершении инкриминируемого преступления государственному обвинителю необходимо особое внимание уделять изучению, во-первых, процессуальных документов, в которых нашли отражение обстоятельства, связанные с подготовкой к проведению судебной экспертизы, ее назначением, во-вторых, заключения эксперта.

В процессе изучения заключения эксперта следует обращать внимание на его соответствие требованиям ст. 204 УПК РФ. Также необходимо проверить компетентность эксперта: наличие соответствующего образования, опыта работы в качестве судебного эксперта. Особое внимание надлежит уделять экспертизам, произведенным в негосударственных экспертных учреждениях или отдельными лицами, не являющимися государственными экспертами в соответствии с положениями Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Несоблюдение процессуального порядка назначения и производства экспертизы может повлечь признание заключения эксперта недопустимым доказательством и исключения его из доказательственной базы стороны обвинения, что в деле о незаконном предпринимательстве может иметь роковые последствия для судьбы уголовного дела [3, с. 99—100].

В случае возникновения сомнений в правильности проведенного экспертного исследования государственному обвинителю необходимо инициировать вызов в судебное заседание эксперта, изготавливающего экспертное заключение, для его допроса по существу проведенного исследования.

Также государственный обвинитель может прогнозировать заявление ходатайств стороны защиты о признании заключения эксперта недопустимым доказательством в случае несвоевременного ознакомления подозреваемого (обвиняемого) с постановлением о назначении экспертизы, не рассмотрением ходатайств стороны защиты о постановке дополнительных вопросов эксперту, а также не ознакомления стороны защиты с заключением эксперта. В таком случае прокурору необходимо с учетом конкретных обстоятельств дела рассмотреть вопрос о возможности доказывания вины подсудимого в отсутствие данного заключения эксперта как допустимого доказательства или, в случае если допущенные нарушения не являются существенными, подготовить аргументы о законности и обоснованности назначения и производства такой экспертизы.

Помимо этого, при подготовке к поддержанию государственного обвинения, прокурор может выявить необходимость в назначении дополнительной или повторной экспертизы, либо проведения другого экспертного исследования по иным вопросам, которые не были приняты во внимание следователем и надзирающим прокурорским работником. В таком случае, государственный обвинитель должен заявить суду ходатайство о назначении дополнительной или иной судебной экспертизы с постановкой конкретных вопросов.

Таким образом, прокурору при использовании в судебном доказывании заключения эксперта по делам о незаконном предпринимательстве следует определить его значение в доказательственной базе по делу, установить, какие фактические обстоятельства оно подтверждает, соответствует ли заключение эксперта требованиям уголовно-процессуального закона и имеется ли необходимость в назначении дополнительной, повторной или другой судебной экспертизы.

Список источников

1. Угрушева А. Г. Понятие специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве // Международный научный журнал «Вестник науки». № 9 (66) Т. 2. С. 97—100.

2. Соломатина А. Г. Использование специальных знаний и технологий в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. № 2. 2023. С. 164—167.

3. Койсин А. А. Оценка заключения эксперта: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты // Сибирский юридический вестник. № 4 (99). 2022. С. 98—105.

Информация об авторе

М. С. Берездовец — аспирант заочной формы обучения кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

M. S. Berezdovets — is a postgraduate student of the correspondence course of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

УДК 343

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ И ДОЛЯ КИБЕРХИЩЕНИЙ В НЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Максим Геннадьевич БУБЁНОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия bubenov777@yandex.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Александр Николаевич ПОПОВ**, nauka2006@mail.ru

Аннотация. Автор анализирует состояние и динамику киберпреступности, определяет место киберхищений в составе киберпреступности. Выявлена многогранность киберпространства, что обуславливает специфику киберпреступлений. Установлен значительный удельный вес доли киберхищений в составе преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Определена приоритетность создания системы эффективного противодействия киберпреступлениям и снижения ущерба от их совершения.

Ключевые слова: киберпреступность, киберхищения, информационно-телекоммуникационные технологии, сфера компьютерной информации

STATE AND DYNAMICS OF CYBERCRIME AND THE SHARE OF CYBER THEFT IN IT AT THE PRESENT STAGE

Maxim G. BUBENOV

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg
bubenov777@yandex.ru

Scientific adviser — Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor **A. N. POPOV**, nauka2006@mail.ru

Abstract. The author analyzes the state and dynamics of cybercrime, determines the place of cyberstalking in the composition of cybercrime. The author reveals the multifaceted nature of cyberspace, which determines the specificity of cybercrime. A significant share of cybercrimes in the composition of crimes committed with the use of information and telecommunication technologies or in the sphere of computer information has been established. The priority of creating a system of effective counteraction to cybercrimes and reducing the damage from their commission is determined.

Keywords: cybercrime, cyber theft, information and telecommunication technologies, computer information sphere

Ежегодно число совершаемых в киберпространстве преступлений неуклонно растет, что обусловлено виртуальностью и изменчивостью самого киберпространства, транснациональным характером киберпреступности, относительной легкостью совершения таких преступлений, ощущением безнаказанности у преступников за счет обезличенности субъекта, в том числе за счет использования VPN-сервисов, отсутствием как таковой и сложностью формирования в принципе на государственном и международном уровнях эффективно действующей системы превенции киберпреступлений.

В широком смысле понятие «киберпреступления» применительно к действующему уголовному законодательству охватывает преступления в сфере компьютерной информации (ст. 272, 273, 274, 274.1 УК РФ¹) и преступления, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (к их числу могут быть отнесены различные преступления, перечень которых открыт). Условное разграничение всех киберпреступлений на указанные две категории вытекает из анализа уголовного законодательства и положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37².

Однако представляется, что к числу киберпреступлений следует отнести также другие деяния, которые на современном этапе не закреплены в уголовном законе, например, кибербуллинг, груминг, фишинг и ряд иных деяний, которые, по мнению автора исследования, в перспективе также могут быть закреплены в Уголовном кодексе РФ в качестве самостоятельных составов преступлений.

Таким образом, на современном этапе сфера киберпреступности обширна и многогранна, охватывает множество преступных деяний, совершаемых в киберпространстве и за счет своей вариативности и сложности не

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. 2954 с.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 3.

в полной мере регламентирована действующим уголовным законодательством.

В то же время даже закрепленные ныне киберпреступления составляют значительную часть современной преступности и фактически на современном этапе составляют треть от числа всех регистрируемых преступлений.

По данным МВД России, из 1947,2 тыс. преступлений, зарегистрированных в январе—декабре 2023 года, 677,0 тыс. преступлений совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

Приведенный показатель на 29,7% больше, чем за аналогичный период 2022 года.

В свою очередь и в 2022 году также наблюдался прирост киберпреступлений на 0,8% — было зарегистрировано 522,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

Более того, ежегодно удельный вес таких преступлений в общем числе регистрируемых преступлений постоянно увеличивается уже на протяжении нескольких лет. Следовательно, киберпреступность является не только самым большим массивом всех совершаемых преступлений, но также и активно растущим, что обусловлено развитием старых и появлением новых механизмов совершения киберпреступлений.

В число ежегодно регистрируемых киберпреступлений входит все многообразие упомянутых ранее норм: как преступления, закрепленные в статьях главы 28 УК РФ, так и иные преступления, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

При этом подавляющая часть киберпреступлений приходится на киберхищения, под которыми следует понимать хищения, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

В 2023 году 70,2 % от общего числа киберпреступлений, то есть 475,3 тыс., преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, совершается путем кражи или мошенничества и квалифицируется по п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159, ст. 159.3, 159.6 УК РФ.

Такие деяния совершаются с использованием нетипичных для классических хищений сим-боксов, виртуальных автоматических телефонных станций, фиктивных биржевых площадок, «криптообменников», «теневых» маркетплейсов. Распространенной схемой киберхищений является использование вирусов-вымогателей, по итогам внедрения которых в базы крупных компаний, преступники требуют крупный выкуп, угрожая в противном случае раскрыть незаконно полученную информацию. Кроме того, практически ежедневно появляются новые схемы киберхищений. Так, например, в начале 2024 года была выявлена новая схема по созданию преступниками фальшивых точек доступа к сети «Интернет» в аэропортах и на борту самолетов, чтобы красть данные пассажиров посредством вынуждения пользователей вводить свои личные данные.

Появление новых преступных схем, сложность борьбы с уже выявленными схемами, многообразие факторов, способствующих развитию киберпреступности, неуклонный рост числа киберпреступлений предопределили

насушную необходимость закрепления на федеральном уровне Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹ особой приоритетности создания системы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и снижения ущерба от их совершения². При этом в силу установленных ранее статистических данных, представляется, что особое внимание должно быть уделено именно киберхищениям, как крупнейшей и наиболее распространенной категории киберпреступлений.

Изложенное позволяет заключить, что киберпреступность составляет значительную долю всех регистрируемых ежегодно преступлений. В свою очередь в структуре киберпреступности более половины преступлений приходится на долю киберхищений (кражи и мошенничества), что свидетельствует об особой приоритетности создания системы эффективного противодействия киберпреступлениям с акцентом на противодействие именно киберхищениям.

Информация об авторе

М. Г. Бубёнов — аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about author

M. G. Bubenov — postgraduate student of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

УДК 343.163

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глеб Олегович ВИЛИНСКИЙ

соискатель Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, vilinskygleb@mail.ru

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 07.05.2024

² В ранее действовавшем и ныне утратившем силу Указе Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в рамках национальной цели «Цифровая трансформация» не были затронуты вопросы значимости противодействия киберпреступности.

Научный руководитель заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Виктор Викторович МЕРКУРЬЕВ**, merkuriev-vui@mail.ru.

Аннотация. Автор анализирует новейший межведомственный приказ, направленный на регламентацию информационного взаимодействия в сфере противодействия финансированию терроризма, сопоставляя его со схожим по конструкции приказом, регламентирующим информационное взаимодействие в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем. Выявлены определенные резервы для совершенствования информационного взаимодействия и организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии финансированию экстремистской деятельности и терроризма.

Ключевые слова: противодействие финансированию терроризма, противодействие финансированию экстремизма, экстремизм, терроризм, прокурорский надзор, органы прокуратуры, Росфинмониторинг, информационное взаимодействие, межведомственное взаимодействие, эффективность, результативность, совершенствование

SOME ISSUES OF IMPROVING INFORMATION INTERACTION IN THE FIELD OF COMBATING THE FINANCING OF TERRORISM AND EXTREMIST ACTIVITIES

Gleb O. VILINSKIJ

Applicant of St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg
vilinskygleb@mail.ru

Scientific adviser — Head of the Department of Scientific Support of Prosecutor's Supervision and Strengthening the Rule of Law in the Field of Federal Security, Interethnic Relations and Combating Extremism, Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor **V. V. MERKURIEV**, merkuriev-vui@mail.ru.

Abstract. The author analyzes the latest interdepartmental order aimed at regulating information interaction in the field of combating the financing of terrorism, comparing it with a similar design order regulating information interaction in the field of combating the legalization (laundering) of funds or other property obtained by criminal means. Certain directions have been identified for improving information interaction and organizing prosecutorial supervision over the implementation of laws in the field of combating the financing of extremist activities and terrorism.

Keywords: countering the financing of terrorism, countering the financing of extremism, extremism, terrorism, prosecutorial supervision, prosecutorial authorities, Rosfinmonitoring, information interaction, interdepartmental interaction, efficiency, effectiveness, improvement

В современных условиях недопустимо недооценивать опасность содействия экстремистской деятельности и терроризму в форме финансирования, напрямую влияющего на степень общественной опасности преступлений экстремистской и террористической направленности.

Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года выявление и устранение источников, каналов финансирования экстремистской и террористической деятельности отнесены к основным направлениям государственной политики в сфере противодействия экстремизму¹.

Учитывая, что для эффективного противодействия финансированию экстремистской деятельности и терроризма необходима консолидация усилий различных государственных органов, одним из важнейших вопросов является организация их информационного взаимодействия.

Органы прокуратуры занимают особую роль в информационном взаимодействии, являясь субъектами такого взаимодействия и в то же время обладая надзорными полномочиями по отношению к иным государственным органам, участвующим в нем.

Отдельного внимания в рассматриваемом контексте заслуживает введение в действие с апреля 2024 года Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия финансированию терроризма (далее — Инструкция по ПФТ), утвержденной совместным приказом Росфинмониторинга, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ФСБ России, МВД России, СК России в целях совершенствования организации информационного взаимодействия в сфере противодействия финансированию терроризма².

Инструкция по ПФТ разрабатывалась на протяжении нескольких лет. Разработчиком Инструкции является Росфинмониторинг.

Инструкция по ПФТ разработана на основе Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем (далее — Инструкция по ПОД)³, в связи с чем имеет схожую структуру и механизм реализации.

¹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утв. Указом Президента Российской Федерации 29.05.2020 № 344. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005290036?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 31.01.2024).

² Приказ Росфинмониторинга, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ФСБ России, МВД России, СК России от 18.04.2024 № 89/290/149/195/61 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия финансированию терроризма» (приказ не опубликован).

³ Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Росфинмониторинга, МВД России, ФСБ России, ФТС России и Следственного комитета Российской Федерации от 21.08.2018 № 511/244/541/433/1313/80 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом в отличие от Инструкции по ПОД (п. 15), Инструкция по ПФТ не предусматривает возможность для Росфинмониторинга не рассматривать и возвращать запрос в правоохранительный орган при несоблюдении требований по его содержательному наполнению.

Безусловно, утверждение Инструкции по ПФТ является значимым шагом в направлении упорядочения действий уполномоченных государственных органов и совершенствования их информационного взаимодействия.

В то же время возникает вопрос о подобной регламентации информационного взаимодействия в сфере противодействия финансированию экстремистской деятельности.

Актуальность этому вопросу также предает рост на протяжении последних пяти лет количества возбужденных уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 283³ УК РФ (Финансирование экстремистской деятельности). Так, в 2019 г. возбуждено 13 уголовных дел указанной категории, в 2020 г. — 21, в 2021 г. — 23, в 2022 г. — 36, в 2023 г. — 57¹.

Следует отметить, что в 2023 г. количество уголовных дел о финансировании терроризма, находящихся в производстве органов предварительного расследования, наоборот сократилось в сравнении с 2022 г. до 168 с 240.

Регулирование вопросов информационного взаимодействия в сфере противодействия финансированию терроризма и отсутствие регламентации подобного взаимодействия в сфере противодействия финансированию экстремистской деятельности выглядит пробелом, ведь экстремизму и терроризму присущи одни идеологические корни [1, с. 10], а экстремизм может являться питательной средой для терроризма [2, с. 373].

Таким образом, прослеживается некоторый дисбаланс, который заключается в большем внимании правоприменителей к проблематике финансирования терроризма.

Данный дисбаланс прослеживается и в основном законе, направленном на противодействие финансированию терроризма — Федеральном законе от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее — Закона № 115-ФЗ).

Указанный закон, направлен на защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства путем создания правового механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Вопросы противодействия финансированию экстремистской деятельности в законе, в настоящий момент, не закреплены.

При этом уполномоченным органом, принимающим меры по противодействию этим противоправным деяниям (согласно Закону № 115-ФЗ), является Росфинмониторинг, который являясь федеральным органом исполнительной власти, осуществляет функции не только по противодействию этим

¹ Форма федерального статистического наблюдения № 1-ФЗТ «Сведения о преступлениях террористического характера и экстремистской направленности», утвержденная приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 25.01.2021 № 35. // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

деяниям, но и противодействию финансированию экстремистской деятельности.

Приходится констатировать, что вопросы противодействия финансированию экстремистской деятельности не получили должного нормативного регулирования.

Возможным путем устранения указанного дисбаланса видится в дополнении Закона № 115-ФЗ нормами, регулирующими противодействие финансированию экстремистской деятельности. Подобная точка зрения нашла отражения и в ряде научных работ [3, с. 136].

Предлагаемые изменения гармонично дополняют указанный закон, будут способствовать дальнейшему совершенствованию законодательства, внесению изменений в целый пакет нормативных правовых и ведомственных актов, в том числе позволит дополнить Инструкцию по ПФТ соответствующими положениями.

Предлагаемые изменения затронут и органы прокуратуры, так как в соответствии со ст. 14 Закона № 115-ФЗ именно Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры осуществляют надзор за его исполнением.

Стоит отметить, что вопросы прокурорского надзора в сфере противодействия финансированию экстремистской деятельности и терроризма регламентированы одним организационно-распорядительным актом – приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 08.02.2017 № 87 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию экстремистской деятельности и терроризма».

Можно выделить еще одно существенное положение, закрепленное в Инструкции по ПОД, но не нашедшее отражение в Инструкции по ПФТ, касающееся сверки направленных в рамках взаимодействия материалов.

Так, согласно п. 24 Инструкции по ПОД Росфинмониторинг два раза в год информирует уполномоченные подразделения центральных аппаратов правоохранительных органов о направленных в порядке ст. 8 Закона № 115 информированиях, а последние, в свою очередь, два раза в год направляют в Росфинмониторинг сведения о результатах рассмотрения указанных информации и материалов.

Подобный механизм, призванный отслеживать эффективность и полноту информационного взаимодействия, в Инструкции по ПФТ не закреплен. Стороны информационного обмена отдельно ведут учет поступивших запросов, материалов и результатов их использования.

Также Инструкцией по ПОД (п. 25) предусмотрено направление раз в год Росфинмониторингом и его территориальными органами в Генеральную прокуратуру Российской Федерации и ее управления в федеральных округах сведений о направленных в правоохранительные органы информации и материалах в порядке ст. 8 Закона № 115 для обеспечения надзора за исполнением законодательства о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов.

При этом Инструкция по ПФТ не предусматривает такие положения, что на практике может вызвать затруднения у надзирающих прокуроров

в организации надзора за исполнением законов в сфере противодействия финансированию экстремистской деятельности и терроризма.

Подводя итог можно констатировать, что утверждение Инструкции по ПФТ без сомнения является важным шагом регламентации взаимодействия в рассматриваемой сфере, при этом усматриваются резервы для его дальнейшего совершенствования.

Список источников

1. Борисов С.В. Прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Борисов Сергей Вячеславович. Москва, 2011. 18 с.

2. Петрянин А.В. Международное регулирование борьбы с экстремизмом: преемственность и перспективы // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 373—377.

3. Коршунова О.Н. Противодействие экстремизму, терроризму и их финансированию как комплексное направление деятельности органов прокуратуры // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 11А. С. 122—139.

Информация об авторе

Г. О. Вилинский — соискатель Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about author

G. O. Vilinskij — applicant of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

УДК 343.1

ГЕНЕЗИС НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИХ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ)

Георгий Александрович ДОЛГОПОЛОВ

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета,
Санкт-Петербург, Россия, dolgopolov.dga@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, доктор юридических наук, профессор **Александр Витальевич СМIRHOV**, excelsiorsm@mail.ru

Аннотация. Автором проведен историко-правовой анализ формирования института нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела в России. Выявлены прообразы современных нереабилитирующих оснований, определена эволюция этого процессуального института, сделаны

выводы о традиционном подходе отечественного законодателя к определению круга нереабилитирующих оснований и наличии преемственности в регламентации ряда из них вне зависимости от общественно-политического устройства.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, нереабилитирующие основания, примирение сторон, истечение давности

THE GENESIS OF NON-REHABILITATING BASES TERMINATION OF THE CRIMINAL CASE (CRIMINAL PROSECUTION)

Georgy A. DOLGOPOLOV

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee,
St. Petersburg, Russia, dolgopolov.dga@mail.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Procedure of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, Doctor of Law, Professor **A. V. SMIRNOV**, excelsiorsm@mail.ru

Abstract. The author conducted a historical and legal analysis of the formation of the institution of non-rehabilitating grounds for the termination of a criminal case in Russia. The prototypes of modern non-rehabilitating foundations are revealed, the evolution of this procedural institution is determined, conclusions are drawn about the traditional approach of the domestic legislator to determining the range of non-rehabilitating foundations and the presence of continuity in the regulation of a number of them, regardless of the socio-political structure.

Keywords: termination of a criminal case, termination of criminal prosecution, non-rehabilitating grounds, reconciliation of the parties, limitation period

Сущность нереабилитирующих оснований прекращения уголовного преследования в своей актуальной форме характеризуется определенной спецификой, обусловленной современным состоянием государственной уголовно-процессуальной политики. Вместе с тем, некоторые из представленных на сегодняшний день нереабилитирующие по своей сущности основания для прекращения уголовного преследования были известны законодателю более тысячелетия назад.

Характеризуя правовые источники на заре становления отечественного права, следует отметить их бессистемность и отсутствие отраслевого разделения — в одном акте сочетались правоположения, направленные на регулирование общественных отношений гражданского свойства (преимущественно связанные с имущественными отношениями) и нормы правоохрнительного свойства; нормы материального характера и процессуальные нормы.

Уголовно-правовому законодательству хорошо известно такое нереабилитирующее основание для прекращения уголовного дела (уголовного преследования), как примирение сторон. Следует отметить, что сам принцип примирения как явления, лежащего в основе компромиссного разрешения

конфликтной ситуации, был выражен в положениях договоров Руси и Византии 911 и 944 годов¹. Принцип примирения сторон органично подходил к правосознанию того периода; как в этой связи отмечал А. М. Ларин, «в древнем русском уголовном процессе права личности были достаточно широки: она сама решала вопрос о том, совершено ли против нее правонарушение, и сама же восстанавливала нарушенные права и порядок» [2, с. 60]. Таким образом, частное начало уголовного процесса превалировало над государственным.

Со временем государственное начало уголовного процесса укрепилось: Русская Правда пространной редакции 20-х—30-х годов XII века содержала ряд положений, направленных на борьбу с осуществлением кровной мести — и таким инструментом выступало головничество (в соответствии с большинством научных позиций — суть возмещение причиненного преступником ущерба).

Головничество, таким образом, выступает в качестве одного из первичных примеров реализации природы нереабилитирующих оснований для прекращения уголовного преследования, при этом затрагивая иные известные современному уголовному процессу основание — возмещение причиненного преступлением ущерба, а также деятельное раскаяние.

Псковская судная грамота 1397 года в своих предписаниях допускала возможность примирения по неопределенному кругу категорий дел. В частности, согласно ст. 37, примирение фактически осуществлялось посредством поединка («поля»). Статья 62 предполагала, что истец в результате переговоров с ответчиком не подвергался штрафу. В ст. 80 было конкретизировано, что в случае драки при примирении рассорившихся, они не подвергались взысканию в пользу княжеской казны — таким образом, ответственность за противоправное поведение не наступала [5, с. 331].

Наблюдался и иной подход к примирению в источниках права. В этой связи следует упомянуть о том, что в Двинской уставной грамоте 1397 года (ст. 6) и Белозерской уставной грамоте 1488 года (ст. 13) упоминалось такое явление, как «самосуд». Относительно данного термина в научном сообществе существуют две позиции, согласно первой из которых самосуд предполагает самовольный отпуск пойманного с поличным «татя», в соответствии со второй, самосуд характеризуется как своего рода примирительная процедура, при которой «татя» передает «посул» потерпевшей стороне и конфликт на этом исчерпывается [3, с. 126].

Примирение сторон по Судебникам 1497, 1550, 1589, 1606 годов, Соборному Уложению 1649 года, содержащих большую концентрацию процессуальных норм, могло иметь место, как и при самостоятельном урегулировании конфликта, так и по факту судебного разбирательства.

Что примечательно, в Судебнике Ивана III 1497 года в ст. 8 был определен круг дел, при которых примирение было недопустимым — то есть, впервые примирение было определено в качестве обстоятельства, позволяющего преступнику избежать уголовной репрессии для ограниченного круга дел. Впоследствии в 1550 году Судебником Ивана IV этот перечень был расши-

¹ Юшков С. В., Зимин А. А. Памятники русского права. М.: Госюриздат, 1952. Вып. 1. Памятники права Киевского государства, X-XII вв. С. 6.

рен. Сводный Судебник 1606—1607 годов был составлен на основании перечисленных выше актов и по своей сущности в определенном смысле демократизировал нормы уголовного и уголовно-процессуального права [1, с. 43]. Примирение также было допустимо и до начала суда, и в процессе рассмотрения дела.

8 февраля 1649 года было принято Соборное Уложение царя Алексея Михайловича, в ст. 121 которого также предусматривалась возможность примирения конфликтующих сторон, а в соответствии со ст. 154 при достижении примирения, повторный пересмотр дела не допускался. Кроме того, в соответствии со ст. 184, примирение одного из обидчиков с потерпевшим не освобождало от ответственности остальных.

Устав уголовного судопроизводства 1864 года, изданный в ходе судопроизводственной реформы Александра II, фактически представлял собой полноценный процессуальный кодекс, в ст. 16 был включен перечень оснований, по своим признакам относящихся к нереабилитирующим, которые обуславливали необходимость прекращения начатого судебного преследования.

Большим значением для анализа генезиса института нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) являются первые послереволюционные декреты.

8 мая 1918 года СНК РСФСР был издан Декрет «О взяточничестве» — первый акт советского периода, устанавливающий уголовную ответственность за взяточничество. Следует отметить, что данный акт обладал обратной силой, а в соответствии со ст. 6, подлежали освобождению от уголовного преследования лица, совершившие предусмотренное законом деяние до момента издания Декрета 1918 года, но вместе с тем заявившие о преступлении в течение трех месяцев со дня его издания¹.

Декрет «О борьбе со взяточничеством» от 16 августа 1921 года несколько изменил содержание Декрета 1918 года. Так, в соответствии со ст. 4 было определено, что в случае своевременного заявления о вымогательстве взятки или при оказании содействия при расследовании дела, к взяткодателю не применялись меры уголовной репрессии². Вместе с тем, его вина в совершении противоправного деяния не отрицалась, что дает основание характеризовать подобное решение законодателя как нереабилитирующее основание прекращения уголовного преследования.

Первым кодифицированным актом уголовно-процессуального права в советский период развития отечественного законодательства выступил Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года. В соответствии со ст. 4, посвященной запрету на инициацию уголовного преследования и необходимости прекращения такового вследствие комплекса определенных законодателем обстоятельств³, выделялись нереабилитирующие основания: смерть обвиняемого, примирение обвиняемого с потерпевшим по делам частного обвинения за исключением предусмотренных законом случаев, истечение

¹ Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 08 мая 1918 г. «О взяточничестве» // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 35. С. 467

² Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством» // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 60. С. 421

³ Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20-21. С. 230.

давности, акт об амнистии, исключаящей наказуемость, либо адресное помилование отдельных лиц или прекращение дел на основании постановлений ВЦИК или его Президиума.

В 1923 году был принят обновленный Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, в части регламентации нереабилитирующих оснований идентичный положениям УПК РСФСР 1922 года¹.

Среди нереабилитирующих оснований прекращения возбужденного уголовного преследования в ст. 6 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик 1924 года были определены основания, существенно ставшие традиционными еще со времен Устава уголовного судопроизводства Александра II².

В Основах уголовного судопроизводства СССР и Союзных Республик от 31 октября 1958 года институт нереабилитирующих оснований прекращения уголовного преследования претерпел незначительные изменения. В ст. 5 было конкретизировано, что в случае смерти обвиняемого в целях реабилитации такового уголовное дело не подлежит прекращению.

Следует также отметить, что впервые законодателем было определено значение согласия обвиняемого на прекращение уголовного преследования в связи с истечением сроков давности, амнистией, помилованием — в том случае, если обвиняемый возражает против прекращения уголовного преследования, оно не могло быть прекращено. Данное дополнение было включено в текст закона в редакции Указа Президиума ВС СССР от 13 августа 1981 года³.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года полностью соответствовал подходу, отраженному в Основах уголовного судопроизводства СССР и Союзных Республик от 31 октября 1958 года, конкретизируя, для каких дел частного обвинения не может послужить в качестве основания прекращения уголовного преследования примирение потерпевшего и обвиняемого по уголовному делу⁴.

Таким образом, с течением времени, институт нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) претерпевал изменения, продиктованные трансформацией уголовно-процессуальной политики. Наиболее древними из современных оснований по праву можно считать примирение сторон, возмещение ущерба и деятельное раскаяние — беря истоки в древнейших памятниках русского права, они в своей сущности сохранялись в уголовно-процессуальном законодательстве различных периодов развития Российского государства, сохраняются и сегодня, адаптировавшись под реалии современности. Тем самым, подтверждается природная значимость института нереабилитирующих оснований как таких

¹ Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР» (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР) // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. С. 106.

² Постановление Президиума ЦИК СССР от 31.10.1924 «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик» // Собрание законов СССР. 1924. № 24. С. 204.

³ Указ Президиума ВС СССР от 13.08.1981 № 5447-Х «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1981. № 33. С. 965.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. С. 592.

обстоятельств, при которых и при неоспоримости вины преступника в содеянном применение в его отношении уголовных санкций теряет целесообразность.

Список источников

1. Глухов В. А. Институты уголовного права в Сводном судебнике 1606—1607 гг. / В. А. Глухов // Безопасность уголовно-исполнительной системы. 2009. № 1(5). С. 43—49

2. Ларин А. М. Наш инквизиционный процесс // Судебная власть : надежды и реальность. Сборник научных статей. М. : Манускрипт, 1993. С. 60—77

3. Лоба В. Е. Самосуд как уголовно-правовой регулятор социальных отношений в X—XVII веках / В. Е. Лоба, И. А. Абдулаева // Философия права, 2020. № 2(93). С. 125—130.

4. Юшков С. В., Зимин А. А. Памятники русского права. М. : Госюриздат, 1952. Вып. 1. Памятники права Киевского государства, X—XII вв. 287 с.

5. Янин В. Л. Российское законодательство X-XX веков. М. : Юрид. лит., 1984. Т. I. Законодательство Древней Руси. 430 с.

Информация об авторе

Г. А. Долгополов — аспирант кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, следователь по особо важным делам третьего отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Калужской области, старший лейтенант юстиции.

Information about author

G. A. Dolgopolov — Postgraduate student at the Department of Criminal Procedure of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, investigator for particularly important cases of the third Department for the Investigation of particularly important cases of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Kaluga Region, Senior Lieutenant of Justice.

УДК 343.13

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С РАССМОТРЕНИЕМ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ирина Бимбажаповна ДОРЖИЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,

Россия, ira05121993@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации **Николай Валентинович КУЛИК**, kulik-n@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам исчисления сроков давности по гражданскому иску прокурора в интересах публично-правовых образований, которым в результате совершения преступления причинен вред.

Ключевые слова: вред, причиненный преступлением, публично-правовые образования, срок исковой давности

SOME ISSUES RELATED TO THE REVIEW THE CIVIL CLAIM OF THE PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Irina B. DORZHEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, ira05121993@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Candidate of Law, Associate Professor, Justice Advisor, **N.V. KULIK**, kulik-n@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of calculating the statute of limitations on a prosecutor's civil claim in the interests of public legal entities that have been harmed as a result of the commission of a crime.

Keywords: harm caused by a crime, public legal entities, statute of limitations

Вопросы возмещения вреда, причиненного преступлением, с древнейших времен стояли в ряду основных задач государства в борьбе с преступностью. На протяжении развития института возмещения вреда предлагались различные пути решения данной проблемы: от кровной мести и выдачи обидчика потерпевшему в целях искупления обиды до нынешнего уголовного процесса, предусматривающего судебный порядок рассмотрения требований потерпевшего о возмещении вреда (гражданского иска). Однако оптимальной модели решения вопроса о возмещении вреда, причиненного преступлением, в России до настоящего времени не сложилось.

Рассмотрение гражданско-правового требования в рамках уголовного процесса создает сложности и спорные моменты, одним из которых является применение норм об исковой давности. Уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо правил о применении срока исковой давности по требованиям лиц, заявленным в рамках уголовного судопроизводства.

По мнению А. П. Сергеева и Т. А. Терещенко, поскольку уголовно-процессуальный закон устанавливает, что гражданский иск может быть предъявлен с момента возбуждения уголовного дела до окончания судебного разбирательства в суде первой инстанции, срок исковой давности начинает течь

с момента возбуждения уголовного дела [1, с. 80]. Д. К. Боков, аргументируя неприменимость срока исковой давности к гражданскому иску в уголовном деле, также ссылается на положения части 2 статьи 44 УПК РФ [2, с. 152].

А. В. Севостьянова отмечает, что часть 2 статьи 44 УПК РФ устанавливает лишь период времени, в который лицо может совершить определенное процессуальное действие. При этом предъявление гражданского иска в указанный временной промежуток уголовного судопроизводства вовсе не свидетельствует о соблюдении гражданским истцом срока исковой давности.

Рассматриваемый автор указывает, что, если пострадавший не знает лицо, совершившее преступное посягательство, и не имеет о нем никаких сведений, знание о надлежащем ответчике будет им получено с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда. Начало течения исковой давности будет обусловлено указанным моментом.

Однако в случае мошенничества при исполнении договорных обязательств, когда стороны обладают достаточными данными друг о друге, срок исковой давности начнет течь с момента, когда лицу стало известно о неисполнении контрагентом обязательств [3, с. 162].

Несомненно, что субъекты права могут реализовывать право на защиту как в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства, так и путем обращения с заявлением о преступлении в правоохранительные органы. Сроки исковой давности для первого варианта защиты действительно начнут исчисляться в соответствии с частью 1 статьи 200 Гражданского кодекса РФ — со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Однако, когда мы говорим об исковой защите, имеющей своим правовым основанием установленный факт совершения преступления и находящийся с ним в причинной связи вред, то в данном случае началом течения срока исковой давности будет либо момент вступления приговора в законную силу, либо момент принятия решения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию.

Соответственно, исходя из изложенного, ситуация, когда на момент подачи искового заявления в порядке статьи 44 УПК РФ уже истекли сроки давности подачи такого иска, исключена.

Судебная практика по рассматриваемому вопросу не отличается единообразием, часть судов началом течения срока исковой давности признается дата возбуждения уголовного дела¹, другие суды срок давности исчисляет с момента вступления приговора в законную силу² либо прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию³.

Последние верно мотивируют, что рассматриваемые иски основаны на факте совершения ответчиком преступления и поскольку согласно части 1 статьи 49 Конституции РФ каждый обвиняемый в совершении преступления

¹ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 декабря 2022 г. № 88-21018/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 февраля 2023 г. № 88-4008/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Новгородского областного суда от 20 января 2021 г. по делу № 2-751/20-33-81/21// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, срок исковой давности следует исчислять с момента вступления в законную силу приговора суда.

Кроме того, составляет трудность момент, связанный с тем, что по уголовному делу может быть вынесен оправдательный приговор.

Полагаем, что в такой ситуации не всегда такое решение влечет автоматический отказ в гражданском иске. К примеру, суд может прийти к выводу об отсутствии состава преступления ввиду наличия между сторонами гражданско-правовых отношений, что не прекращает права прокурора или ППО на обращение за защитой нарушенных прав в порядке гражданского либо арбитражного судопроизводства. В таком случае государственным обвинителям необходимо обращать внимание на правильность формулировки в приговоре суда решения, принятого судом (в данном случае оставление гражданского иска без рассмотрения) с одной стороны, и с другой необходимо осуществить оперативное взаимодействие с прокурорами, осуществляющими надзор за исполнением федерального законодательства, поскольку имеется риск истечения сроков исковой давности. Необходимо отметить, что период с момента предъявления прокурором гражданского иска по уголовному делу до вынесения такого приговора суда должен рассматриваться в качестве перерыва срока исковой давности подлежащего предъявлению в последующем в порядке гражданского либо арбитражного судопроизводства иска.

Таким образом, мы полагаем, что к гражданскому иску прокурора, предъявляемому в интересах ППО в уголовном судопроизводстве нормы о сроках исковой давности не применимы, и находим целесообразным и необходимым осветить рассмотренный вопрос в Пленуме Верховного Суда Российской Федерации, дабы верно ориентировать правоприменителя.

Список источников

1. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Особенности исчисления начала течения исковой давности, если вредоносные действия являются одновременно преступлением // Арбитражные споры. 2014. № 4. С. 79—81.

2. Боков Д. К. Гражданский иск прокурора в уголовном процессе в защиту интересов государства : дис. ... канд. юрид. наук / Боков Дмитрий Константинович. Москва, 2012. 202 с.

3. Севостьянова А. В. Процессуальный порядок рассмотрения и разрешения гражданского иска по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук / Севостьянова Анастасия Витальевна. Москва, 2023. 243 с.

Информация об авторе

И. Б. Доржиева — аспирант Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about author

I. B. Dorzhieva — Postgraduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

**КОНТРАБАНДА НАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ
В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

Мария Степановна КАМЕНДАНОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, mkamendanova@yandex.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Наталья Алексеевна ДАНИЛОВА**, bobteyl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена следственным ошибкам, допускаемым в ходе проверок сообщений о контрабанде наличных денежных средств и в процессе расследования этого преступления.

Ключевые слова: деньги, незаконное перемещение активов, контрабанда наличных денежных средств, предварительное расследование, следственные ошибки, таможенная граница

**CASH SMUGGLING: SOME EMERGING ISSUES
DURING THE PRE-TRIAL PROCEEDINGS**

Maria S. KAMENDANOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg,
mkamendanova@yandex.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Procedural Law and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor **N.A. Danilova**, bobteyl@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the investigative mistakes made during the checks of reports on the smuggling of cash and in the process of investigating this crime.

Keywords: money, illegal money's trafficking, smuggling of cash, pre-trial investigation, investigative mistakes, customs border

Результаты изучения современной правоприменительной практики и официальных статистических данных свидетельствуют о крайне негативной тенденции — увеличении случаев контрабанды наличных денег, потенциально связанных с финансированием организованной преступности, экстремизма, терроризма и, как следствие, представляющих угрозу национальной и экономической безопасности государства. Так, согласно данным Федеральной таможенной службы России за 1 квартал 2024 года таможенными

органами установлено 2747 фактов незаконного перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза наличных денежных средств на общую сумму 518 млн рублей, возбуждено 21 уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, что на 10 % больше аналогичного периода прошлого года¹.

Указанное обстоятельство обуславливает необходимость совершенствования способов противодействия незаконному перемещению наличных денежных средств. В этой связи особую значимость приобретает своевременное выявление и нивелирование ошибок, допускаемых правоприменителями как в ходе проверки сообщения об этом преступлении, так и в процессе его расследования.

Как показывают результаты изучения материалов уголовных дел о рассматриваемом преступлении, к числу наиболее распространенных следственных ошибок относится неполнота установления обстоятельств, сформулированных в ст. 73 УПК РФ.

Так, например, по инициативе защитника руководителем следственного органа отменено постановление о возбуждении уголовного дела в отношении М. по факту незаконного перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза наличных денежных средств в особо крупном размере (более 92,5 тысяч долларов США). Причиной принятия такого процессуального решения явилась видеозапись, на которой запечатлено обращение лица к сотрудникам таможенного органа до начала проведения таможенного контроля о намерении задекларировать перемещаемые денежные средства².

В свою очередь основанием для принятия Химкинским городским судом Московской области решения о возврате прокурору уголовного дела, возбужденного по признакам, предусмотренным ч. 1 ст. 200.1 УК РФ явилось неправильное исчисление органом дознания размера незаконно перемещенных денег в рублевом эквиваленте по курсу Центрального Банка России на дату инкриминируемого лицу деяния³.

Наряду с этим, при признании предмета контрабанды вещественным доказательством нередко не устанавливается законность его происхождения, принадлежность подозреваемому (обвиняемому), а также наличие (отсутствие) иных законных владельцев. Равным образом эти вопросы зачастую остаются за рамками внимания прокуроров при изучении материалов уголовных дел, поступивших с обвинительными заключениями (актами, постановлениями). Как показывают результаты изучения правоприменительной практики, подобного рода недочеты и упущения в последующем затрудняют принятие судом решения о конфискации денежных средств при вынесении итогового судебного акта.

¹ Официальный сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации // <https://customs.gov.ru/press/federal/document/576897> (дата обращения: 06.05.2024).

² Мелкумов А. Обвинение в контрабанде удалось оспорить: проблемы ведомственного и прокурорского контроля при принятии решений о возбуждении дел по ст. 200.1 УК РФ // Адвокатская газета : [сайт]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/obvinenie-v-kontrabande-udalos-osporit/> (дата обращения: 22.02.2024).

³ Постановление Химкинского городского суда Московской области от 15.12.2020 по делу 1-773/2020 // Химкинский городской суд Московской области. - URL: https://himki--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=542585333&case_uid=1475a721-600c-4e36-ae53-4bf3924939c5&delo_id=1540006 (дата обращения: 18.03.2024).

Так, определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ отменены постановление Артемовского городского суда Приморского края и постановлением президиума Приморского краевого суда в отношении гражданки КНДР Ц. в части решения судьбы вещественных доказательств. Уголовное дело по обвинению гражданки КНДР Ц. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 200.1 УК РФ, передано на новое рассмотрение в Артемовский городской суд Приморского края в ином составе. Основанием принятия такого решения явилось неустановление в ходе предварительного расследования фактической принадлежности лицу перемещенных денежных средств¹.

Вышеприведенные примеры судебно-следственной практики достаточно наглядно свидетельствуют о насущной потребности дальнейшего выявления и изучения проблем, препятствующих эффективному расследованию контрабанды наличных денежных средств, а также разработки путей их разрешения.

Информация об авторе

М. С. Каменданова — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about author

M. S. Kamendanova — Postgraduate student of the Department of Criminal Procedural law and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

УДК 343.35

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ПРАВА И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИЙ

Антон Александрович КОЛЕНЧЕНКО

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия kolenchenko.a.a@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции **Роман Дмитриевич ШАРАПОВ**, srd72@mail.ru

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.08.2019 по делу 56-УД19-17 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1795440 (дата обращения: 17.04.2024).

Аннотация: в статье рассмотрены некоторые вопросы социальной обусловленности уголовной ответственности за посягательства на права и законные интересы участников корпораций. Автором приводится статическая отчетность, затрагивающая тему исследования. На основе мнения ученых и существующей судебной практики сделан вывод о широкой распространенности нарушений корпоративных прав и законных интересов участников корпораций.

Ключевые слова: корпорации, уголовно-правовой закон, интересы, уголовная ответственность, обусловленность

DETERMINISM CRIMINAL LIABILITY FOR ENCROACHMENTS ON THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF CORPORATE PARTICIPANTS

Anton A. KOLENCHENKO

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg,
kolenchenko.a.a@mail.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, **R. D. SHARAPOV**, srd72@mail.ru

Abstract: the article discusses some issues of social conditionality of criminal liability for encroachments on the rights and legitimate interests of corporate participants. The author provides static reporting on the research topic. Based on the opinion of scientists and existing judicial practice, it is concluded that violations of corporate rights and legitimate interests of corporate participants are widespread.

Keywords: corporations, criminal law, interests, criminal liability, conditionality

Согласно ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) уголовное законодательство в качестве одной из своих задач признает охрану прав и свобод человека и гражданина, а также собственности от преступных посягательств. Не вызывает сомнений, что уголовный закон охраняет также права юридических лиц.

Наряду с правами и свободами УК РФ призван защищать также законные интересы, что прямо вытекает, в частности, из ч. 1 и 3 ст. 12, ч. 1 ст. 37, ст. 39, ст. 40 УК РФ, в которых термин «охраняемый уголовным законом интерес» используется фактически как синоним понятия «объект преступления». Как справедливо отмечает Н. Н. Параскевов, «интерес, взятый под охрану уголовного закона, лежит в основе общественного отношения как объекта уголовно-правовой охраны, и, соответственно, объекта преступления» [1, с. 9].

Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) указал, что «...федеральный законодатель определяет содержание положений уголовного закона, устанавливает преступность тех или иных общественно опасных деяний, их наказуемость, порядок привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, учитывая при этом степень распространенности таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, и существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств»¹.

Указанные критерии криминализации деяний присутствуют во многих нарушениях корпоративных прав и интересов участников корпораций.

По состоянию на 1 сентября 2023 года количество участников экономических споров в российских арбитражных судах (они разбирают споры с участием предпринимателей и организаций) увеличилось на 16 % по сравнению с показателем годичной давности и превысило 538 тыс².

Значимость прав и законных интересов участников корпораций также не вызывает сомнений. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что права акционеров охватываются понятием имущества и обеспечиваются конституционно-правовыми гарантиями, включая охрану законом прав акционеров и судебную защиту нарушенных прав (ст. 35, части 1 и 3; ст. 46, часть 1, Конституции Российской Федерации). Эти гарантии направлены на достижение таких публичных целей, как привлечение частных инвестиций в экономику и обеспечение стабильности общественных отношений в сфере гражданского оборота³.

Неисполнение государством своей обязанности по защите прав и интересов инвесторов влечет ухудшение делового климата в России, ограничивает размер инвестиций в российскую экономику, ведет к оттоку капитала, и, в конечном итоге, создает непреодолимые барьеры на пути экономического роста.

Экономически активные группы населения все меньше доверяют государственным институтам, полагаясь, в основном, на себя и свое окружение, выбирают неформальные схемы получения доходов и решения финансово-экономических проблем⁴.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.01.2015 № 143-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Уткина Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 170¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Российский бизнес стал чаще судиться. Почему больше всего споров в крупных развитых регионах // URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/10/2023/653a400a9a794771e19b3d3b> (дата обращения: 20.05.2024).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона "Об акционерных обществах", регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании "Кадет Истеблишмент" и запросом Октябрьского районного суда города Пензы». // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Вахштайн С.В., Степанцов П.М. Доверие к государственным институтам и стратегии экономического поведения населения // URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2017-03/29-03-2017-opros-gos-inst.pdf> (дата обращения: 20.05.2024).

Отмечается также, что преступления в сфере экономической деятельности — это именно та категория преступлений, которая «порождает коррупцию, подпитывает и стимулирует ее, воспроизводит себя в организованных преступных формах»¹.

В юридической литературе высказывается мнение о необоснованности установления уголовной ответственности за деяние, если оно не способно причинить реальный ущерб [2, с. 343]. Однако большинство ученых придерживается позиции, что общественную опасность могут представлять и деяния, которые создают условия, угрозу наступления опасных последствий [1, с. 11].

Следует отметить, что вред, причиняемый непосредственно правам и законным интересам участников корпораций, как правило, является весьма значительным. Он, как правило, включает не только реальный ущерб, но и упущенную выгоду.

Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, «поскольку упущенная выгода представляет собой неполученный доход, при разрешении споров, связанных с ее возмещением, следует принимать во внимание, что ее расчет, представленный истцом, как правило, является приблизительным и носит вероятностный характер. Это обстоятельство само по себе не может служить основанием для отказа в иске»².

В юридической литературе высказывается мнение, что подход установления убытков с разумной степенью достоверности не применим для уголовных дел, поскольку требования процессуального законодательства исключают определение убытков с долей вероятности. Очевидно, что оно основано на позиции авторов, считающих, что предположительный вывод эксперта не имеет доказательственного значения в уголовном процессе (Р. Д. Рахунов) [3, с. 210].

Отметим, что рыночная цена имущества, от которой отталкиваются при определении любого имущественного ущерба — это лишь «наиболее вероятная цена, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства...» (ст. 3 Федерального закона «Об оценочной деятельности» от 29.07.1998 № 135-ФЗ).

Достаточно сложным является вопрос о соотношении убытков юридического лица и его участников. Очевидно, что убытки, причиненные участнику, не являются убытками юридического лица, поскольку последнее обладает обособленным имуществом и не отвечает по долгам участников.

Убытки, причиненные коммерческой корпорации, напрямую влияют на имущественное положение ее участников, так как ведут к уменьшению стоимости их долей участия и упущенной выгоде в виде уменьшения дивиден-

¹ Вахштайн С.В., Степанцов П.М. Доверие к государственным институтам и стратегии экономического поведения населения // URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2017-03/29-03-2017-opros-gos-inst.pdf> (дата обращения: 20.05.2024).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23.06.2015 № 25. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дов и других корпоративных выплат. Исключением являются ситуации, когда убытки корпорации причиняют сами участники, используя ее имущество в своих интересах.

Многие авторы высказывают сомнения в том, что посягательство на неимущественные права участников корпорации способно причинить имущественный вред. Так, по мнению Т.В. Семенова, право на участие в управлении, право на информацию являются неимущественными, следовательно, при их нарушении или ограничении не может быть дана денежная оценка последствиям такого нарушения или ограничения. По его мнению, «деяния, описанные в ст. 185.1, ст. 185.4 и охраняющие неимущественные права членов корпорации, не способны причинить имущественный ущерб» [4, с. 29].

Представляется, что данные утверждения неверны. Невозможность своевременно получить достоверную информацию может привести к неверному решению о покупке или продаже долей (акций); затратам на ее получение иными способами; расходам на защиту нарушенных прав.

В качестве примера можно привести следующее дело.

Миноритарии¹ банка обратились в Арбитражный суд с иском о взыскании с кредитной организации убытков, возникших в результате обесценивания их акций, вызванного недобросовестными действиями топ-менеджеров по выводу активов и последующим банкротством банка.

В ходе санации банк спас инвестор, получивший почти 100 % акций; при этом пакет акций миноритариев снизился до ничтожно малых размеров — доля каждого из них уменьшилась с 9 % до 0,000000001 %.

Подаявая иск к банку, а не к его руководству, истцы отметили, что именно банк опубликовал недостоверную финансовую отчетность, в результате чего истцы приобрели акции по цене, значительно превышающей ту, которая была бы у акций, если бы банк публиковал достоверную информацию о своем финансовом положении.

Суды первой и кассационной инстанций исковые требования удовлетворили, согласившись с аргументацией истцов и сославшись на общие нормы об убытках (ст. 15, 393 ГК РФ). Верховный Суд Российской Федерации отменил решения нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение, указав, в частности, на необходимость привлечения к участию в деле руководства банка, поскольку убытки были вызваны именно их неправомерными действиями².

Высказывается мнение, что только извлечение незаконного дохода должно быть криминообразующим признаком преступлений, предусмотренных ст. 185.2, ст. 185.4 УК РФ [5, с. 158].

С данным предложением вряд ли возможно согласиться, так как определить момент окончания такого преступления станет гораздо сложнее. Кроме того, опасность рассматриваемых преступлений заключается не в получении кем-либо незаконного дохода, а в причинении ущерба правам и законным интересам участников корпораций.

¹ Миноритарный акционер (миноритарий) — акционер компании (физическое или юридическое лицо), размер пакета акций которого не позволяет ему напрямую участвовать в управлении компанией (например, путём формирования совета директоров). Такой пакет акций называется «неконтролирующим».

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.12.2016 № 305-ЭС16-10038 по делу № А40-51672/2015. // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Таким образом, все предусмотренные уголовным законом посягательства на корпоративные права и законные интересы участников корпораций способны причинить имущественный вред.

Некоторые посягательства (насильственные) способны причинить и нематериальный вред личности (ее здоровью, неприкосновенности, чести и достоинству, иным нематериальным благам, правам и законным интересам).

В заключении отметим, что установление и применение уголовной ответственности за наиболее серьезные нарушения корпоративных прав и законных интересов участников корпорации обусловлено их широкой распространенностью (о которой можно судить, в основном, по косвенным признакам); высокой значимостью их защиты для частных лиц и общества в целом; существенностью причиняемого ими вреда; невозможностью их эффективного преодоления с помощью иных правовых средств.

Все предусмотренные в настоящее время уголовным законом посягательства на корпоративные права и законные интересы участников корпораций способны причинить существенный имущественный вред, который часто выражается в упущенной выгоде. Ее получение носит вероятностный характер, в связи с чем убытки могут быть определены лишь «с разумной степенью достоверности». Это обстоятельство должно быть учтено при конструировании составов преступлений, посягающих на корпоративные права, но не должно рассматриваться как непреодолимое препятствие для установления уголовной ответственности за подобные посягательства.

Список источников

1. Параскевов Н. Н. Уголовно-правовая охрана законных интересов : дис. ... канд. юрид. наук / Параскевов Николай Николаевич. Кисловодск, 2010. — 179с.

2. Коленченко А. А. Уголовная ответственность за посягательства на права и законные интересы участников корпораций: теоретико-правовой аспект // Прокуратура России на страже законности и правопорядка (к 300-летию российской прокуратуры) : сборник трудов XVIII Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция (9—10 декабря 2021 г., г. Кострома) / сост. Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина, И. Н. Мельников, Д. Н. Лукоянов, А. С. Евстегнеев — Кострома : Костромской государственной университет, 2022. С. 343—347.

3. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе / Р. Д. Рахунов ; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. Москва. Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 248 с.

4. Семенов Т. В. Уголовно-правовые запреты в сфере корпоративных отношений: социальная обусловленность и законодательное конструирование : дис. ... канд. юрид. наук / Семенов Тимур Владимирович. Москва, 2016. 221 с.

5. Рябова А. Ю. Преступления, совершаемые на рынке ценных бумаг: социальная обусловленность, законодательная регламентация, квалификация : автореферат дис. ... кандидата юридических наук / Рябова Анна Юрьевна. Москва, 2013. 24с.

6. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Особенная / Р. С. Белкин, А. И. Винберг, М. М. Гродзинский и др. Москва, 1967. 98 с.

Информация об авторе

А. А. Коленченко — прокурор города Южно-Сахалинска Сахалинской области, аспирант заочной формы обучения кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about author

A. A. Kolenchenko — Prosecutor of the city of Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin region, postgraduate student of correspondence studies at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

УДК 347.963

МЕСТО ЕДИНОНАЧАЛИЯ СРЕДИ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Татьяна Сергеевна КОРНЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия tatyana_korneva_84@mail.ru

Аннотация. Автором рассмотрена обоснованность выделения учеными принципа единоначалия как самостоятельного принципа организации и деятельности прокуратуры.

Ключевые слова: единоначалие, единовластие, полномочия прокурора, способ управления органами прокуратуры

UNITY OF COMMAND AMONG THE PRINCIPLES OF THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Tatyana S. KORNEVA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg,
tatyana_korneva_84@mail.ru

Abstract. The author considers the justification of the scientists' allocation of the principle of unity of command as an independent principle of the organization and activity of the procurator's office.

Keywords: unity of command, unity authority, powers of the prosecutor, manner of administration of the prosecutor's office

Основные принципы организации и деятельности российской прокуратуры законодательно закреплены в Конституции Российской Федерации и Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». Это принципы централизации, единства, законности, независимости и гласности (ст. 129 Конституции Российской Федерации, ст. 4 Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1).

Однако учеными кроме названных принципов выделяются и другие принципы, прямо в законе не указанные, но вытекающие из положений закона.

Так, например, в Федеральном законе о прокуратуре прямо не указан принцип единоначалия, тогда как Е. Р. Ергашев полагает, что данный принцип вытекает из положений статей 14 и 17 Федерального закона о прокуратуре и указывает на способ и характер управления органами прокуратуры. Руководитель прокуратуры принимает решения как при реализации надзорной и иной прокурорской деятельности, так и решения, касающиеся организации работы подчиненных сотрудников. В то же время единоначалие характеризуется и единовластием, т.е. наличием властных полномочий у конкретного должностного лица, дающих ему право на единоличное управление и принятие решений. Прокурор вправе давать своим подчиненным поручения по различным вопросам, за исключением тех, которые законом отнесены только к его компетенции; вправе отменить решение, принятое подчиненным прокурором, или его указания и дать свои [1, с. 122—124].

Кроме того, прокуратуру во всех внешних отношениях представляет возглавляющий ее прокурор. Все основные акты, документы, исходящие из прокуратуры, должны быть им подписаны. В связи с этими утверждениями Е. Р. Ергашев относит единоначалие к отраслевым принципам организации и деятельности прокуратуры [1, с. 125].

М. М. Черепанов в след за Е. Р. Ергашевым предлагает также выделить принцип единоначалия. Ученый полагает, что данный принцип связан со способом, которым управляется прокуратура. Во исполнение данного принципа прокурор единолично разрешает вопросы, связанные с прокурорским надзором и иными направлениями деятельности прокуратуры. Все приказы и указания прокурора подписываются им лично и являются обязательными для нижестоящего прокурора. Каждый прокурор лично вносит протесты на незаконные акты надзора, представления, принимает иные решения [2, с. 69].

По мнению В.Ю. Шобухина принцип единоначалия означает, что прокурор единолично разрешает все вопросы, связанные с осуществлением им своей служебной деятельности, и персонально несет ответственность за принятые решения [3, с. 146].

Однако не все ученые поддерживают взгляды о необходимости выделения такого самостоятельного принципа организации и деятельности прокуратуры как единоначалие.

По мнению В. Г. Бессарабова, единоначалие является обязательным условием реализации принципа централизации, то есть сочетание единого

руководства (единоначалия) с инициативой, творческой активностью прокурорских работников на местах [4, с. 98].

Ф. М. Кобзарев, говоря о единоличном разрешении вопросов и принятии решений прокурором, относит данные полномочия к реализации принципов единства и централизации. В силу единства прокуроры вышестоящие прокуроры могут единолично отменять решения нижестоящих. В силу принципа централизации вышестоящие прокуроры руководят деятельностью нижестоящих и несут полную ответственность за правильную организацию деятельности всех подчиненных прокуроров [5, с. 10].

В. И. Басков отмечает, что единство органа как принцип - синоним единоначалия, сосредоточения властных, императивных полномочий в руках соответствующего руководителя органов прокуратуры. Для того, чтобы отменить незаконное и необоснованное решение, принятое нижестоящим прокурором, ему не требуется выносить этот вопрос на заседание коллегии, он правомочен отменить или изменить его своим приказом, издаваемым единолично [6, с. 47].

Таким образом, в науке о прокурорской деятельности нет единства мнений по вопросу о том, является ли единоначалие самостоятельным принципом организации и деятельности прокуратуры.

Чтобы положение закона признавать принципом, оно должно отвечать определенным критериям — признакам. Принципы организации и деятельности прокуратуры также характеризуются определенными признаками.

Принципы организации и деятельности прокуратуры — это общие руководящие положения. Они носят нормативный и сквозной характер. Все принципы самостоятельны по содержанию и равнозначны. Каждый принцип действует не сам по себе, не изолированно от других принципов, а в единстве с ними, взаимно дополняя и подкрепляя другие [7, с. 145].

Исходя из критериев, которые характеризуют, по мнению ученых, принципы организации и деятельности прокуратуры, единоначалие не отвечает ряду признаков для признания его самостоятельным принципом.

Единоначалие как принцип не закреплено законодательно.

Оно распространяется только на начальников прокуратур всех уровней, включая их заместителей. Таким образом, оно не равнозначно для всех прокурорских работников, соответственно и не имеет сквозного характера.

Единоначалие характеризуется наличием властных полномочий у конкретного должностного лица, дающих ему право на единоличное управление и принятие решений. Однако принимать решения, подписывать исходящие от прокуратуры документы имеет право не только прокурор лично, но и его заместители, что так же ограничивает единовластие.

Более того, само построение системы органов прокуратуры, ее иерархичность также исключает реализацию принципа единоначалия в организации и деятельности прокуратуры. Начиная с Генерального прокурора Российской Федерации заканчивая прокурором района, каждый прокурор является начальником над подчиненными ему прокурорскими работниками на своем уровне, тогда как единоначалие предполагает власть одного лица для всего органа власти.

Невозможна реализация принципа единоначалия и при взаимодействии органов прокуратуры с иными органами власти, поскольку органы прокуратуры осуществляют взаимодействие также в зависимости от уровня прокуратуры. То есть Генеральная прокуратура Российской Федерации взаимодействует с органами власти федерального значения, субъектовые прокуратуры с органами власти субъекта Российской Федерации, районные прокуратуры с органами власти района. Каждая прокуратура самостоятельна при принятии решений, принимаемых в ходе этого взаимодействия, что также противоречит реализации единоначалия в организации и деятельности прокуратуры.

При взаимодействии различных прокуратур в самой системе органов прокуратуры, когда направляются поручения об участии по уголовным, гражданским делам в иную прокуратуру, также невозможно соблюдение единоначалия.

Необоснованно выделение единоначалия и как единоличного способа управления органами прокуратуры, поскольку наряду с единоначалием в прокуратуре используется коллегиальность, то есть проведение коллегий (совещаний), результатом которых становится коллегиальное принятие решений [2, с. 70]. Коллегиальность противопоставлена в данном случае единоначалию. А поскольку принципы организации и деятельности прокуратуры реализуются в системе и каждый принцип в этой системе выполняет важную самостоятельную роль, никакой принцип не может противоречить иным принципам, единоначалия нельзя признать принципом организации и деятельности прокуратуры.

Так, говоря о единоначалии, ученые относят данный принцип к полномочиям прокурора, то есть его деятельности, тогда как принципом организации и деятельности прокуратуры должно быть такое правило, которому должны соответствовать и организация и деятельность прокуратуры.

Таким образом, представляется, что выделение единоначалия как принципа организации и деятельности прокуратуры необоснованно. Единоначалие безусловно можно считать принципом, но принципом управления, а не принципом организации деятельности прокуратуры, поскольку единоначалие может быть реализовано только на конкретном уровне властных полномочий, а не распространяется на всю систему органов прокуратуры.

Список источников

1. Ергашев Е. Р. Принципы прокурорского надзорно-охранительного права и его институтов : дис. ... д-ра юрид. наук / Ергашев Евгений Рашидович. Екатеринбург, 2008. 311 с.
2. Черепанов М. М. Принципы организации и деятельности российской прокуратуры : дис. ... канд. юрид. наук / Черепанов Максим Мухтаржанович. Екатеринбург, 2008. 168 с.
3. Шобухин В. Ю. О некоторых принципах организации и деятельности российской прокуратуры // Российский юридический журнал. 2008. № 5. С. 144—150.
4. Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор : учеб. Москва. ТК Велби, изд-во Проспект, 2006. 536 с.

5. Кобзарев Ф. М. Прокуратура России : правовое положение и перспективы развития. Лекция. Москва: Московский психолого-социальный институт, 2002. 80 с.

6. Басков В. И. Прокурорский надзор в СССР : Учебник. Москва. 1991. 304 с.

7. Ашурбеков Т.А. Деятельность прокуратуры по обеспечению национальных государственных интересов России. Москва. Изд-во РАГС, 2005. 244 с.

Информация об авторе

Т. С. Корнева — старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about author

T. S. Korneva — Senior lecture of Department of general humanitarian and socio-economic disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation.

УДК 343.163

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВА ПРОКУРОРА БЕСПРЕПЯТСТВЕННО ВХОДИТЬ НА ТЕРРИТОРИИ И В ПОМЕЩЕНИЯ

Дарина Викторовна КОЧЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,

Россия, slovnovetervstepi@yandex.ru

Научный руководитель проректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент **Наталья Викторовна СУБАНОВА**, snv@agprf.org

Аннотация. В статье автором предпринята попытка интерпретации одного из наиболее малоисследованных в науке полномочий прокурора по выявлению нарушений законов вне уголовно-правовой сферы¹ — права по предъявлении служебного удостоверения беспрепятственно входить на территории и в помещения поднадзорных прокуратуре органов.

Ключевые слова: полномочия прокурора, прокурорский надзор, надзор за исполнением законов, надзор вне уголовно-правовой сферы

¹ Подразумеваются отрасли прокурорского надзора за исполнением законов (в том числе судебными приставами), соблюдением прав и свобод человека и гражданина: абзацы второй, третий и пятый пункта 2 статьи 1; главы 1, 2 раздела III; полномочия: пункт 13 статьи 21, пункт 1 статьи 22, пункт 1 статьи 27 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Результатам исследования обозначенных полномочий автор посвятила цикл своих научных статей.

ON THE INTERPRETATION OF THE PROSECUTOR'S RIGHT TO FREELY ENTER THE TERRITORY AND PREMISES

Darina V. KOCHEVA

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg,

slovnovetervstepi@yandex.ru

Scientific adviser — Vice-Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Associate Professor
N. V. SUBANOVA, snv@agprf.org

Abstract. In the article, the author makes an attempt to interpret one of the most poorly studied powers of the prosecutor to identify violations of laws outside the criminal legal sphere - the right, upon presentation of an official ID, to freely enter the territories and premises of bodies supervised by the prosecutor's office.

Keywords: powers of the prosecutor, prosecutorial supervision, supervision over the implementation of laws, supervision outside the criminal legal sphere

Чтобы прокурор мог в конкретной ситуации определиться с необходимостью реализации своего права войти на территорию (в помещения) поднадзорных прокуратуре органов (далее также — право беспрепятственного/свободного доступа; выход «на место») аспектом первостепенной важности является определённость правового механизма его осуществления.

В соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре):

— субъектами права беспрепятственного доступа являются прокуроры-руководители и прокуроры-исполнители¹ прокуратур федерального, окружного, регионального, городского, межрайонного, районного звеньев (приравненных к ним прокуратур, включая специализированные);

— обязательным атрибутом подтверждения личности прокурора, занимаемой им должности в прокуратуре, его полномочия по беспрепятственному доступу является официальный документ установленного образца — служебное удостоверение;

— объектами обозначенного полномочия являются поднадзорные прокуратуре органы публичной власти федерального, регионального и муниципального уровней, а также органы управления коммерческих и некоммерческих организаций;

— к предмету реализации рассматриваемого полномочия относится деятельность поднадзорных прокуратуре органов, подпадающая под область правоприменения Конституции Российской Федерации и законов, действующих на территории нашей страны;

— свободному доступу прокурора подлежат любые без исключения территории и помещения поднадзорных органов, а военные прокуроры вправе входить на территории и в помещения воинских частей, предприятий, учреждений, организаций и штабов независимо от установленного в них режима;

¹ Абзац второй статьи 54 Закона о прокуратуре.

— за умышленное неисполнение законного требования прокурора об обеспечении беспрепятственного доступа установлена административная ответственность¹.

Вместе с тем двоякий смысл имеет результат соотнесения норм Закона о прокуратуре об анализируемом полномочии и об основании, а также порядке проведения проверки исполнения законов².

С одной стороны, при интерпретации выхода «на место» в качестве неотъемлемого мероприятия указанной проверки и реализуемого непосредственно в отношении её объекта, то он должен осуществляться при наличии информации о нарушении законов, требующих принятия мер прокурором, в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки, и решения о проведении проверки (схожей позиции в отношении сигнала о правонарушении придерживается К. Гин-Барисявичене [1, 72]).

В этом случае беспрепятственный доступ должен также обеспечиваться привлечённым прокурором к участию в проведении проверки в целях осуществления экспертно-аналитических функций представителям иных государственных органов³.

С другой стороны, если воспринимать выход «на место» как самостоятельное полномочие, реализуемое вне рамок проверки, либо в ходе неё, но в отношении непроверяемого поднадзорного прокуратуре объекта (территории, помещения), то на правореализацию прокурора не распространяется требование о необходимости наличия в отношении этого объекта вышеуказанных информации и решения (частично позиция перекликается с мнением Ю. А. Зюбанова⁴ в отношении основания проверки).

К примеру, с целью верификации доводов обращения на неправомерные действия органа контроля (надзора) в отношении предпринимателя, прокурору может понадобиться выход по месту осуществления соответствующим хозяйствующим субъектом своей деятельности с целью оценки законности принятых органом контроля мер и юридической корректности выводов, сформулированных по итогам проведённых в отношении предпринимателя мероприятий.

Также прокурору может потребоваться посетить квартиру гражданина, обратившегося в прокуратуру из-за ненадлежащей работы управляющей компании, а также бездействующей в отношении её деятельности жилищной инспекции.

¹ Пункт 3 статьи 6, пункт 1 статьи 21, абзац второй пункта 1 статьи 22, абзац пятый пункта 1 статьи 27, статья 41.1, абзац четвертый пункта 2 статьи 47 Закона о прокуратуре. Статья 17.7 КоАП РФ.

² При системном применении норм пункта 1 статьи 22, пунктов 2-15 статьи 21 Закона о прокуратуре и предписаний приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2017 № 172 «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора в связи с принятием Федерального закона от 07.03.2017 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

³ При системном применении норм пункта 13 статьи 21 и пунктов 1 статьи 22 Закона о прокуратуре.

⁴ Зюбанов Ю.А. Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный). // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Хотя неподнадзорные прокурору объекты (к примеру, физические лица или индивидуальные предприниматели¹) не обязаны обеспечивать ему беспрепятственный вход в квартиры, индивидуальные жилые или дачные дома, гаражи и на территории, правообладателями которых являются, но вправе добровольно позволить прокурору посетить своё недвижимое имущество, при наличии в этом объективной необходимости и достижении обоюдных договорённостей, а не в принудительном порядке².

Предписания, относящиеся к реализации рассматриваемого полномочия, содержатся и в других правовых актах.

Так, в соответствии с ведомственным регулированием, выход «на место» осуществляется прокурором в форменном обмундировании³.

Определение понятия «помещение» легализовано в гражданском праве и законодательстве, регулирующем все этапы жизненного цикла здания (сооружения)⁴. Содержание анализируемой дефиниции образуют сведения о характеризующем его объекте, который является составной частью целого (здания, сооружения), имеет определенное назначение (жилое/нежилое помещение) и структурные элементы (несущие, ограждающие строительные конструкции).

Таким образом, прокурор вправе свободно посещать помещения в любых зданиях и сооружениях, не все из которых состоят из помещений (дамбы, мосты, различные объекты инженерной инфраструктуры), но все имеют месторасположения (территорию).

Определение термина «территория» в российском законодательстве отсутствует, в актах различной юридической силы он интерпретирован исключительно в зависимости от принадлежности (территория котельной⁵; территория малоэтажного жилищного строительства⁶; территория берегозащитного сооружения⁷; территория порта⁸ и др.).

В этой связи территорию целесообразно рассматривать в правовом контексте как объект с индивидуализирующими его признаками, в отношении которого могут осуществляться юридически значимые действия (участок

¹ Не отнесены к поднадзорным объектам в нормах пункта 1 статьи 21, пункта 1 статьи 26 Закона о прокуратуре.

² К примеру, прокурор Вологодской области в 2024 г. проверил качество воды в квартирах сокольчан. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N8wjDvZQe-s>; <https://rutube.ru/video/6140b3abfa513b3c87c04bd075d1afd1/> (дата обращения: 17.05.2024).

³ Об утверждении перечня случаев официального представительства органов прокуратуры Российской Федерации, предусматривающих обязательное ношение прокурорскими работниками форменного обмундирования: приказ Ген. прок. Рос. Федерации от 31 августа 2021 г. № 507. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Пункт 1 статьи 141.4 Гражданского кодекса Российской Федерации; пункт 14 части 2 статьи 2 Федерального закона от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».

⁵ СП 89.13330.2016. Свод правил. Котельные установки. Актуализированная редакция СНиП II-35-76: приказ Минстроя России от 16 декабря 2016 г. № 944/пр. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ СП 30-102-99. Планировка и застройка территорий малоэтажного жилищного строительства: постановление Госстроя России от 30 декабря 1999 г. № 94. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ ГОСТ Р 59241-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Берегозащитные сооружения. Правила обследования и мониторинга технического состояния: приказ Росстандарта от 08 декабря 2020 г. № 1260-ст. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Пункт 1 статьи 55 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации.

местности (поверхности земли) в определённых границах (или без таковых¹).

Применительно к анализируемым правоотношениям, легитимированный, но оставшийся законодателем необъяснённым принцип беспрепятственности, на наш взгляд, означает:

— запрет лицам, независимо от их правового статуса или наличия (отсутствия) имущественных прав на территории и помещения, каким бы то ни было образом препятствовать прокурору в осуществлении входа на соответствующие объекты²;

— нераспространяемость на реализацию обозначенного права прокурора любых законодательных и вне законодательных (локальное регулирование) внутриведомственных (внутриорганизационных) ограничений и запретов, связанных с пропускным режимом³;

— обязанность уполномоченных лиц обеспечить прокурору свободный доступ к территориям и помещениям, проход к которым ограничен из-за ограждений, контрольно-пропускных пунктов, систем автоматизированного прохода и т.п.

При этом право свободного доступа не является абсолютным в юридическом измерении не предполагает для прокурора возможность:

— игнорировать пределы разграниченной компетенции между различными прокурорами (дифференцированной в том числе по видам объектов прокурорского надзора и территориальности их местонахождения)⁴;

— беспрепятственно въезжать на территорию транспортному средству с прокурором (передвигаться по территории)⁵;

— круглосуточно посещать территории и помещения, для которых такой режим функционирования не предусмотрен (вне зависимости от установления прокурору ненормированного рабочего дня⁶);

— произвольно передвигаться по территориям и в помещениях с особым правовым режимом, установленным в предусмотренном законом порядке во избежание травматизма, заражения, аварий и катастроф (без применения средств специальной защиты; в отсутствие сопровождающих — лиц, уполномоченных на обеспечение техники безопасности и т.п.);

— пренебрегать режимом обращения с конфиденциальной информацией (включая различные виды охраняемой законом тайны) и доступом к ней.

¹ По смыслу части 4 статьи 69 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

² Поскольку субъектами административной ответственности по статье 17.7 КоАП РФ являются в том числе граждане, то их неподнадзорность прокуратуре не означает невозможность реализации прокурором в их отношении своих процессуальных полномочий, предусмотренных в КоАП РФ.

³ В том числе по смыслу пункта 7 статьи 1.1 Закона Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

⁴ Об образовании управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах: приказ Ген. прок. Рос. Федерации от 05 июня 2000 г. № 98; О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур: приказ Ген. прок. Рос. Федерации от 07 мая 2008 г. № 84. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Такая правовая конструкция, используется в российском законодательстве не применительно к деятельности прокурора.

⁶ В соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 25.03.2011 № 81 «Об утверждении форм трудового договора, заключаемого с прокурорским работником, и соглашений к нему».

Оценка законности действий прокурора в спорах с лицами, в отношении которых право беспрепятственного доступа реализовано (или предпринята неудавшаяся попытка его реализовать), — прерогатива вышестоящего должностного лица прокуратуры, суда. Определённая правоприменительная практика по этому вопросу сформировалась и заслуживает осмысления.

Поскольку в российской юридической литературе встречаются лишь фрагментарные упоминания о проанализированном в настоящей научной статье праве прокурора, необходимым для развития теории прокурорской деятельности представляются дальнейшие изыскания заинтересованных исследователей по данной теме.

Список источников

1. Гин-Борисевич К. Карта проверок: как не сбиться с пути // Практическая бухгалтерия. 2016. № 11. С. 70—73.

Информация об авторе

Д. В. Кочева — соискатель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about author

D. V. Kocheva — Applicant of the Department of Prosecutor's Supervision and Prosecutor's Participation in the Consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases of the St.Petersburg Law Institute (branch) of the Federal State Establishment of Higher Education University of prosecutor's office of the Russian Federation.

УДК 343.2/7

ПРЕСТУПНЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕДР (Ч. 1 СТ. 255 УК РФ)

Ангелина Александровна КУЛЕШОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, angelina.kuleshova.96@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Денис Юрьевич КРАЕВ**, k.d1979@yandex.ru

Аннотация. В статье дана характеристика преступным нарушениям правил охраны и использования недр (ч. 1 ст.255 УК РФ). По результатам анализа законодательства и научной литературы сформулированы понятия

«проектирование», «размещение», «строительство», «ввод в эксплуатацию», «эксплуатация горнодобывающих предприятий или подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых», «самовольная застройка площадей залегания полезных ископаемых».

Ключевые слова: статья 255 Уголовного кодекса Российской Федерации, проектирование, размещение, строительство, ввод в эксплуатацию, эксплуатация горнодобывающих предприятий или подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, самовольная застройка площадей залегания полезных ископаемых

CRIMINAL VIOLATIONS OF THE RULES FOR THE PROTECTION AND USE OF SUBSOIL SOURCES (PART 1, ARTICLE 255 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Angelina A. KULESHOVA

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, angelina.kuleshova.96@mail.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, **D.Y. KRAEV**, k.d1979@yandex.ru

Abstract. The article characterizes criminal violations of the rules of protection and use of mineral resources (Part 1 of Article 255 of the Criminal Code of the Russian Federation). Based on the results of the analysis of legislation and scientific literature, the concepts of «design», «placement», «construction», «commissioning», «operation of mining enterprises or underground structures not related to the extraction of mineral resources», «unauthorized development of mineral resource areas» were formulated.

Keywords: article 255 of the Criminal code of the Russian Federation, design, placement, construction, commissioning, operation of mining enterprises or underground structures not related to the extraction of mineral resources, unauthorized development of mineral resource areas

В теории уголовного права под объективной стороной состава преступления понимают совокупность установленных уголовным законом признаков, характеризующих преступное поведение лица с внешней стороны.

Особенностью объективной стороны, как обязательного элемента состава преступления, является ее описание в диспозициях уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ. Так, согласно ч.1 ст. 255 УК РФ, уголовно наказуемым деянием признается нарушение правил охраны и использования недр при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации горнодобывающих предприятий или подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, а также самовольная застройка площадей залегания полезных ископаемых, если указанные деяния повлекли причинение значительного ущерба.

Объективную сторону рассматриваемого состава преступления образуют:

1. Деяние (действие или бездействие) в форме самовольной застройки площадей залегания полезных ископаемых и нарушение правил охраны и использования недр при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации горнодобывающих предприятий или подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых;

2. Общественно опасные последствия — значительный ущерб;

3. Причинно-следственная связь между совершенным деянием и наступившими общественно опасными последствиями.

Установление правоприменителем данных признаков объективной стороны исследуемого состава преступления является обязательным для привлечения лица к уголовной ответственности за нарушение правил охраны и использования недр.

Проведем анализ преступного деяния, как составного элемента объективной стороны преступления, закрепленного в ч.1 ст. 255 УК РФ.

В теории отмечается, что «признаки объективной стороны деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 255 УК РФ, должны раскрываться исходя из их «материального содержания» [1, с. 95].

Вместе с тем разъяснения положений о правилах охраны и использования недр, ни в уголовном законодательстве, ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» не имеется. Их содержание раскрывается посредством толкования правовых норм отраслевого законодательства. Так, например, правила охраны окружающей среды в сфере проектирования, размещения, строительства, ввода в эксплуатацию и эксплуатации различных объектов, применимые в том числе к сфере недропользования, регламентированы в главе VII Федерального закона от 10.01.2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Е.Л. Владимирова указывает, что деяния, закрепленные в ч.1 ст. 255 УК РФ, не характеризуют конкретные действия, а лишь обозначают сферу их совершения [1, с. 96].

Действительно, следуя буквальному толкованию диспозиции ч. 1 ст. 255 УК РФ, деяния, образующие объективную сторону рассматриваемого состава преступления, в широком смысле относятся ко всей сфере недропользования.

Однако, на наш взгляд, совокупность указанных деяний, можно рассматривать в качестве комплекса последовательных действий, определяющих стадии недропользования.

Необходимо отметить, что к деяниям, влекущим нарушение правил охраны и использования недр при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации горнодобывающих предприятий или подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, относятся, например, следующие действия - нарушение порядка консервации или ликвидации предприятий по добыче полезных ископаемых, непродуктивное использование месторождений полезных ископаемых, загрязне-

ние недр или подземных водных объектов, а бездействие может заключаться, в частности, в непринятии мер по обеспечению процесса добычи полезных ископаемых, непроведении надлежащего изучения недр, несоблюдении лицензионных условий по охране недр.

Этапом, предшествующим непосредственному началу пользования недрами, является деятельность по проектированию, что следует из юридической конструкции ч. 1 ст. 255 УК РФ. «Проектирование» некоторые правоведы определяют, как «процесс создания прототипа, прообраза предполагаемого или возможного объекта, включающего разработку проектной, конструкторской и другой технической документации...» [2, с. 256].

С учетом данного мнения и других научных позиций [3, с. 28] под «проектированием» предлагаем понимать деятельность по разработке проектной, конструкторской и другой технической документации, подлежащей обязательному согласованию и утверждению уполномоченными органами власти для обеспечения дальнейшего строительства, реконструкции объектов капитального строительства, их частей, и капитального ремонта.

После завершения стадии «проектирования» следует деятельность по размещению, строительству, вводу в эксплуатацию и эксплуатации горнодобывающих предприятий или подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых.

Так, «размещение объекта», с учетом мнения отдельных авторов, можно определить как комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных мероприятий, заключающихся в проведение работ по расположению горнодобывающих предприятий или подземных сооружений на конкретном участке местности [2, с. 256].

В соответствие с п. 13 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ «строительство» — это создание зданий, строений, сооружений, в том числе на месте сносимых объектов капитального строительства. А в рамках ст. 255 УК РФ «строительство» связано с возведением горнодобывающих предприятий или подземных сооружений: монтаж оборудования; проектные, изыскательские, буровые работы, направленные на возведение указанных объектов; капитальный ремонт горнодобывающих предприятий или подземных сооружений [2, с. 256].

Завершающие этапы строительства, по результатам которых в установленном порядке допускается оформление права собственности на возведенный объект и его дальнейшая эксплуатация, именуются как «ввод в эксплуатацию» и «эксплуатация».

«Ввод в эксплуатацию» — деятельность, фиксирующая выполнение строительства, реконструкции, капитального ремонта объекта капитального строительства в полном объеме в соответствии с разрешением на строительство, соответствие построенного, реконструированного, отремонтированного объекта капитального строительства плану земельного участка и проектной документации» [2, с. 257].

«Эксплуатация объекта» заключается в его использовании по целевому назначению [3, с. 29]. При осуществлении эксплуатации объектов необходимо соблюдение утвержденных технологий, требований, правил и нормативов в сфере охраны окружающей среды [2, с. 257]. Под «эксплуатацией»

следует понимать процесс использования горнодобывающих предприятий или подземных сооружений в рамках целевого назначения [4, с. 38].

В ходе проведения работ по эксплуатации, основная цель горнодобывающего предприятия, как представляется — это добыча и обогащение полезных ископаемых. Схожее мнение высказывала О. Л. Дубовик, определяя «горнодобывающие предприятия» в качестве производств, занятых добычей и связанных с добычей минеральных ресурсов [6, с. 174].

«Подземные сооружения, не связанные с добычей полезных ископаемых» имеют целью осуществление транспортной, геологоразведочной, научной, палеонтологической деятельности. К указанным сооружениям относятся: шахты, тоннели, колодцы, скважины и иные объекты [5, с. 508].

В ч. 1 ст. 255 УК РФ содержится также самостоятельный состав самовольной застройки площадей залегания полезных ископаемых.

«Самовольная застройка площадей залегания полезных ископаемых» — это возведение различного рода сооружений без получения, в установленном законодательством порядке, разрешения уполномоченных лиц органов контроля [6, с. 35; 7, с. 116].

В научной литературе отмечается, что самовольная застройка площадей залегания полезных ископаемых в большей степени посягает на отношения собственности, а не на экологические отношения, и поэтому состав данного преступления должен быть перенесен в главу 22 УК РФ [4, с. 506].

С данным мнением можно согласиться частично. С одной стороны, умысел лица непосредственно не направлен на причинение экологического вреда, а субъект преимущественно стремится к извлечению экономической выгоды. С другой стороны, исходя из правил законодательной техники формулировка: «самовольная застройка площадей залегания полезных ископаемых», как составная часть конструкции состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 255 УК РФ, представляется наиболее логичной, так как позволяет в полном объеме определить специфику экологических отношений в сфере недропользования.

Таким образом, понятия, используемые в рамках ч. 1 ст. 255 УК РФ, регламентированы или нормами отраслевого законодательства, или разработаны на теоретическом уровне, и понимаются больше с экологической точки зрения.

Сложность объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 255 УК РФ, может быть рассмотрена в качестве одной из причин незначительного количества возбужденных уголовных дел данной категории¹.

Таким образом, в целях единства в толковании признаков объективной стороны нарушений правил охраны и использования недр, а также во избежание ошибок при их квалификации, целесообразно разъяснить отдельные элементы диспозиции состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 255 УК РФ, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». В частности,

¹ Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2019 году по ч. 1 ст. 255 УК РФ к ответственности был привлечен только 1 человек; в 2020 году по ч. 1 ст. 255 УК РФ ответственности были подвергнуты 2 лица; за 2021-2022 гг. по ч. 1 ст. 255 УК РФ уголовные дела не возбуждались; в 2023 году зарегистрировано 4 преступления рассматриваемой категории.

выработать и закрепить в нем применяемые в рамках ст. 255 УК РФ основные понятия: проектирование, размещение, строительство, ввод в эксплуатацию, эксплуатацию, горнодобывающие предприятия или подземные сооружения, не связанные с добычей полезных ископаемых и самовольную застройку площадей залегания полезных ископаемых.

Это позволит устранить терминологические сложности, обусловленные бланкетным характером ст. 255 УК РФ, и будет способствовать правильной квалификации рассматриваемых деяний.

Список источников

1. Владимирова Е. Л. Уголовно-правовая ответственность за нарушения законодательства о недрах: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. ... канд. юрид. наук / Владимирова Елена Леонидовна. Москва, 2010. 207 с.

2. Энциклопедия уголовного права. Том 23. Экологические преступления интересов службы в коммерческих и иных организациях / [принимают участие В. Л. Кудрявцев и др.]. Санкт-Петербург: изд. проф. Малинина — СПб ГКА, 2013. 549 с.

3. Экологические преступления в таблицах: учебное пособие / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко [и др.]; под общ. ред. А. Н. Попова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. 75 с.

4. Лопашенко Н. А. Экологические преступления: комментарий к главе 26 УК РФ. Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2002. 802 с.

5. Лопашенко Н. А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ: монография. Москва. Юрлитинформ, 2017. 526 с.

6. Применение ответственности за экологические правонарушения : учебно-методическое пособие для практических работников / М. М. Бринчук, О. Л. Дубовик [и др.]; отв. ред. О. Л. Дубовик. Москва. Городец, 2007. 541 с.

7. Жевлаков Э.Н. Преступления в области охраны и рационального использования земли и недр // Юридический бюллетень предпринимателя. Москва, 1998. №1. С. 115—118

Информация об авторе

А. А. Кулешова — аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about author

A. A. Kuleshova — postgraduate student of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

**К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ
ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ГРАЖДАНАМИ,
НАХОДЯЩИМИСЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ирина Александровна МАКЕЕВА

Второе следственное управление (с дислокацией в городе Санкт-Петербург)
Главного следственного управления Следственного комитета Российской
Федерации, Санкт-Петербург, Россия, kolpinskaya@list.ru

Научный руководитель — заведующий кафедрой уголовного про-
цесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат
юридических наук, доцент **Елена Борисовна СЕРОВА**, serowa@yandex.ru

Аннотация. Автором рассматриваются законодательные проблемы,
препятствующие производству следственных действий с использованием
систем видео-конференц-связи с гражданами, находящимися за пределами
Российской Федерации. Высказаны предложения об изменении уголовно-
процессуального законодательства в данной области и предоставлении со-
ответствующих функций сотрудникам консульских учреждений.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, следственные действия,
консульские учреждения

**TO THE MATTER OF THE POSSIBILITY OF USING
VIDEOCONFERENCING SYSTEMS IN THE COURSE
OF INVESTIGATIVE ACTIONS WITH CITIZENS
OUTSIDE THE RUSSIAN FEDERATION**

Irina A. MAKEEVA

the second investigation section of the second investigation department
(with the location in the city of Saint Petersburg) of the Main Investigation office
of the Investigative Committee of the Russian Federation, kolpinskaya@list.ru.

Scientific adviser — Head of the Department of Criminal Procedure and
Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Pros-
ecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor
E. B. SEROVA, serowa@yandex.ru

Abstract. The author considers legislative problems hindering the produc-
tion of investigative actions with the use of videoconference systems with citizens
who are outside the Russian Federation. Proposals are made to change the crimi-
nal procedural legislation in this area and to provide relevant functions to the in-
vestigative authorities legislation in this area and the provision of relevant func-
tions to the staff of consular institutions.

Keywords: criminal procedure, videoconferencing, investigative actions,
consular offices

Появление ст. 189.1 УПК РФ открыло для правоприменителя широкие возможности для упрощения следственных мероприятий, которые ранее требовали значительных временных и (или) материальных затрат, не ухудшая при этом качество полученного доказательства.

Вместе с тем, несмотря на внесение данных изменений, некоторые основания для производства следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи (ВКС) не были учтены законодателем.

Так, одной из сложностей при расследовании преступлений по уголовным делам, по которым участники уголовного судопроизводства находятся за пределами Российской Федерации, становится получение доказательств и производство следственных действий с указанными гражданами путем направления запросов о правовой помощи.

В соответствии с данными Минюста РФ, срок исполнения запросов о правовой помощи «согласно сложившейся практике, с учетом почтовой пересылки, составляет до 6 месяцев в государствах–участниках СНГ и 6 — 12 месяцев в государствах дальнего зарубежья»¹, при этом, срок исполнения запроса странами СНГ составляет от 2 до 2,5 месяцев, «из стран Европы разрешение запроса может поступить, например, через 6 месяцев (Германия, Швейцария); через 10—12 месяцев (Великобритания); через 11-20 и более месяцев (страны, расположенные на американском континенте)» [1, с. 5].

В то же время после появления ст. 189.1 УПК РФ Российская Федерация в полной мере может использовать системы ВКС для получения доказательств при направлении запроса о правовой помощи, а также для исполнения таких запросов, поступивших из других государств.

Щерба С. П. и Архипова Е. А., анализируя имевшуюся практику производства следственных действий с использованием систем ВКС при исполнении запросов о правовой помощи, до введения ст. 189.1 УПК РФ, пришли к выводу, что срок исполнения запросов о правовой помощи без использования систем ВКС по исследованным ими запросам о правовой помощи мог составить порядка 7 месяцев, в то время как использование данных систем позволило сократить срок в два раза [2, с. 120].

Тем не менее, несомненно, 3,5 месяца является значительным сроком, однако, как правило, необходимость получения сведений за пределами Российской Федерации редко возникает сразу после возбуждения уголовного дела, то есть к моменту начала подготовки запроса о правовой помощи, срок расследования может являться значительным, в связи с чем, данные обстоятельства могут являться причиной либо не направления запроса, либо направления, но без получения ответа, в связи с необходимостью окончания расследования, либо ожидания ответа на запрос, но с увеличением срока расследования.

В условиях отсутствия возможности у следователя/дознателя ожидания соответствующего ответа, следователи прибегают к различным доступным вариантам решения данной проблемы — получение от участника след-

¹ Данные официального сайта Министерства юстиции Российской Федерации / [Электронный ресурс] URL: <https://minjust.gov.ru/ru/appeals/faq/513//> (дата обращения: 11.06.2023)

ственного действия нотариально заверенного заявления, в котором лицо излагает свои показания, проведение следственного действия через видеозвонки с помощью компьютерных программ и затем производство осмотра полученной в ходе следственного действия видеозаписи.

Из этого напрашивается вывод, что с появлением возможности производства следственных действий дистанционно, можно было бы производить следственные действия с участием сотрудников консульских учреждений Российской Федерации, и таким образом вопрос длительности сроков получения доказательств за пределами Российской Федерации отпадет.

Однако, поскольку в соответствии со ст. 189.1 УПК РФ поручение об организации производства следственного действия направляется следователю, дознавателю или в орган дознания, производство следственных действий при их организации сотрудниками консульских учреждений не представляется возможным. Так, ч.3 ст. 40 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень полномочий органа дознания, которые могут возлагаться на глав дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации, который организация следственных действий с использованием систем ВКС не входит.

Вместе с тем, возникает вопрос, не будут ли такие следственные действия, в случае изменения законодательства, являться нарушением международных норм?

В соответствии со ст. 2 УПК РФ, производство по уголовным делам ведется на территории Российской Федерации. Консульским уставом Российской Федерации (ч.1 ст. 6 ФЗ от 05.07.2010 № 154-ФЗ) определено, что консульское учреждение в пределах консульского округа выполняет консульские функции на территории государства пребывания, то есть территории консульских учреждений не являются территорией Российской Федерации, а, следовательно, произвольное выполнение каких-либо следственных действий на их территории является незаконным.

Однако существует и практика согласования с принимающей стороной подобных следственных действий. Как указывает Волеводз А. Г., иностранные государства в исключительных случаях разрешают допрашивать свидетелей из числа граждан представляемого государства следователями представляемого государства на территории его представительства в соответствии с нормами собственного уголовно-процессуального законодательства [3, с. 362].

В 2012 году Следственным комитетом Российской Федерации было получено согласие отдела по международным делам управления по уголовным делам Министерства юстиции США на производство на территории посольства Российской Федерации в Вашингтоне допроса Егиазаряна А. [4, с. 168]. В 2018 году в связи с предоставлением соответствующего разрешения со стороны Турецкой Республики ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу в Стамбуле были допрошены двое российских граждан на территории консульского учреждения Российской Федерации¹.

¹ Уголовное дело № 11702400009782424. Архив ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу.

В то же время, как указывает Ливишко П. А., при отсутствии соответствующей нормы в национальном законодательстве либо при прямом запрете национального законодательства, государство пребывания отказывает в производстве на своей территории следственных действий [5, с. 252].

Пункт j статьи 5 Венской конвенции о консульских сношениях от 24.04.1963 гласит, что в консульские функции входит, в том числе исполнение судебных поручений или же поручений по снятию показаний для судов представляемого государства в соответствии с действующими международными соглашениями или, при отсутствии таких соглашений, в любом ином порядке, не противоречащим законам и правилам государства пребывания¹.

Однако все анализируемые нами нормы законодательства относятся к ситуации, когда следственные действия проводятся российскими правоохранительными органами на территории государства пребывания.

Следственное действие с использованием систем ВКС фактически является действием, производимым на территории Российской Федерации, действия российских сотрудников консульских учреждений, проводимые на территории государства пребывания носят организационный характер, не несут в себе функции расследования по делу и уголовного преследования.

Следовательно, возникает вопрос, необходимо ли при таких обстоятельствах получать разрешение государства пребывания на производство следственных действий такого типа и направления запроса о правовой помощи?

На наш взгляд, если речь идет о производстве следственных действий с гражданами Российской Федерации и с их согласия, такие действия не противоречат законам иностранного государства, то их производство без получения согласия и направления запроса является возможным.

В других случаях получение согласия иностранного государства является обязательным. Более того, в отсутствие согласия иностранного гражданина на производство следственного действия, с большой долей вероятности потребуются направление запроса о правовой помощи, поскольку сотрудники консульских учреждений не могут проводить каких-либо действий по проведению оперативно-розыскных мероприятий и любых действий, связанных с принудительной явкой такого гражданина.

Предлагаемые нами изменения являются необходимыми и в связи с тем, что встречаются случаи отказов в исполнении запросов о правовой помощи со стороны иностранных государств. В таком случае следственные органы сталкиваются с неразрешимой проблемой, так как иные механизмы для получения доказательств на территории другого государства в законодательстве отсутствуют.

19.01.2023 в Государственной Думе Российской Федерации зарегистрирован законопроект «О внесении изменений в статьи 453 и 456 УПК РФ», 23.10.2023 его рассмотрение отложено. Законопроектом предложено дополнить статью 453 УПК РФ возможностью внесения в исключительных случаях запроса судом, следственными органами, дознавателем по согласованию с МИД РФ о проведении допроса, в том числе путем использования

¹Венская конвенция о консульских сношениях от 24.04.1963 / Консультант Плюс. Сайт URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121141/076bab5c6d7e693cfea9c79252d82dc3d880380d/ (дата обращения: 02.07.2023).

систем ВКС, или о передаче процессуальных документов консульскими должностными лицами Российской Федерации¹.

При этом в пояснительной записке к проекту отражено, что данные изменения требуются в связи с имеющимися сложностями при исполнении российских запросов о правовой помощи недружественными иностранными государствами. Данный вид консульской помощи «позволит обеспечить <...> права и законные интересы граждан Российской Федерации <...> при одновременном соблюдении норм международного права суверенитета иностранного государства»².

Данный законопроект полностью отвечает назревшей необходимости в таких изменениях, однако, по нашему мнению, требует доработки. Так, в нем учтено только одно следственное действие — допрос. Не отражено, где именно могут быть произведены данные следственные действия. Кроме того, для реализации данных функций требуются упомянутые нами корреспондирующие изменения в ст. 40 УПК РФ о предоставлении в таких случаях сотрудникам консульств полномочий дознавателя, а с учетом возможности использования систем ВКС при таких обстоятельствах, должны быть внесены соответствующие изменения и в ст. 189.1 УПК РФ.

Необходимо отметить, что предлагаемые нами изменения безусловно являлись и являются актуальными в настоящее время, и при их внесении будет частично разрешена проблема длительного рассмотрения запросов о правовой помощи, при этом международное законодательство нарушено не будет.

Список источников

1. Раджабзода Д. И. Процессуальные особенности направления запроса о правовой помощи при взаимодействии органов предварительного расследования России и стран СНГ по уголовным делам // Национальная безопасность / notabene. 2022. № 2. С. 1—9. / [Электронный ресурс] URL:https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35623 (дата обращения: 11.06.2023).

2. Щерба С. П., Архипова Е. А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: опыт, проблемы, перспективы / под общ. и науч. ред. профессора С.П. Щербы. Москва. Юрлит информ, 2016. 216 с.

3. Волеводз А. Г. О допустимости допросов иностранных граждан на территориях зарубежных представительств России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2 (13). С. 358—375.

4. Клевцов К. К. Производство допроса при расследовании уголовных дел, возбужденных в отношении лиц, находящихся за пределами Российской Федерации: уголовно-процессуальные и международно-правовые аспекты // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 165—170.

¹ Законопроект № 280226-8 О внесении изменений в статьи 453 и 456 УПК РФ / [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/280226-8?ysclid=lm8150u4pt360920028> (дата обращения: 18.02.2024)

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 453 и 456 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / [Электронный ресурс] URL:https://sozd.duma.gov.ru/bill/280226-8?ysclid=lm8150u4pt360920028#bh_note (дата обращения: 18.02.2024)

5. Литвишко П. А. Осуществление уголовно-процессуальной юрисдикции консульскими должностными лицами на территории дипломатических представительств и консульских учреждений (на примере некоторых стран Евросоюза) // Вестник МГИМО. 2011. № 5. С. 251—256.

Информация об авторе

И. А. Макеева — старший следователь второго следственного управления (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации.

Information about author

I. A. Makeeva — senior investigator of the second investigation section of the second investigation department (with the location in the city of Saint Petersburg) of the Main Investigation office of the Investigative Committee of the Russian Federation.

УДК 343.1

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА ПО ДЕЛАМ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Екатерина Владимировна ПУШТОРСКАЯ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, pushtik@yandex.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Борисовна СЕРОВА**, serowa@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа судебной практики сделан вывод о необходимости нормативного регулирования порядка заявления гражданского иска в налоговых преступлениях.

Ключевые слова: налоговые преступления, гражданский иск, взыскание вреда

ABOUT SOME PROBLEMS OF SATISFYING A CIVIL CLAIM IN CASES OF TAX CRIMES

Ekaterina.V. PUSHTORSKAIA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg,
pushtik@yandex.ru

Scientific adviser — Head of the Department of Criminal Procedure and

Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **E. B. SEROVA**, serowa@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of judicial practice, the article concludes that there is a need for regulatory regulation of the procedure for filing a civil claim for tax crimes.

Keywords: tax crimes, civil action, recovery of damages

Назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений, обеспечиваемая государством в том числе посредством реализации в уголовном процессе механизма гражданского иска.

На современном этапе налоговые преступления являются одними из наиболее существенных в числе преступлений экономической направленности с точки зрения размера причиненного ущерба, а проблемы, возникающие при заявлении и разрешении гражданского иска, являются, соответственно, наиболее болезненными для бюджетной системы РФ.

В уголовном судопроизводстве по налоговым преступлениям вариативно может реализовываться как общий порядок предъявления гражданского иска – когда его заявляет налоговый орган, так и специальный, когда гражданский иск заявляется прокурором, и мы полагаем это целесообразным, несмотря на позицию ученых, усматривающих в заявлении гражданского иска налоговым органом противоречие положениям уголовно-процессуального законодательства [1, с. 31—32; 2, с. 55]. Противоречивые мнения ученых на данный счет объясняются отсутствием нормативного регулирования порядка и сроков заявления налоговым органом либо прокурором гражданского иска, что зачастую приводит к отсутствию возмещения причиненного бюджету ущерба.

Ряд ученых полагают, что взыскание причиненного бюджету ущерба с физического лица, виновного в совершении налогового преступления, неправомерно¹ [3, с. 70—71]. С такой позицией сложно согласиться.

В 2017 году Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении № 39-П от 08.12.2017 г. сформировал позицию о возможности взыскания причиненного налоговым преступлением вреда с физических лиц, осужденных за совершение налоговых преступлений, вызвавших эти недоимки, или уголовное преследование которых в связи с совершением таких преступлений было прекращено по нереабилитирующим основаниям исключительно при невозможности взыскания (исчерпанию либо отсутствии правовых оснований для применения механизмов такого взыскания) с самой организации либо третьих лиц, с которых это возможно в силу закона². Таким образом, правовыми основаниями взыскания являются: в порядке налогового законодательства — взыскание за счет денежных средств на счетах налогоплательщика и за счет его имущества (ст. 46 и 47 НК РФ), взыскание

¹ Цыганков Э.М. Возмещение вреда за неуплату налога - причины и следствия не совпадают. 2017. С. 2 – 3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с лица, на которого в ходе проверки переведен бизнес налогоплательщика (пп. 1 п. 3 ст. 45 НК РФ), а также возмещение вреда в порядке гражданского законодательства и законодательства о банкротстве (взыскание за счет конкурсной массы либо в рамках привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности).

Организация вступает в налоговые правоотношения при возникновении по результатам ее деятельности налоговых обязательств по уплате налогов, и уплата налогов либо их неуплата происходят по воле конкретного лица (лиц). В случае принятия решения о неуплате в бюджет доход вместо платежей в бюджет направляется либо на развитие производственных мощностей — то есть на рост конкурентных преимуществ (полученных, соответственно, нечестным путем), либо на личное обогащение контролирующей организацию лиц. Исчерпание либо отсутствие правовых оснований взыскания недоимки с самой организации в большинстве случаев предполагает, что самой организации уже не существует — она исключена из ЕГРЮЛ как недействующая либо ликвидирована после окончания конкурсного производства, следовательно, прекращены и ее налоговые обязательства, а задолженность перед бюджетом списана в порядке ст. 59 НК РФ. Однако, на наш взгляд, при списании сумм установленной по результатам проверки недоимки в уголовно наказуемом размере возникает своего рода неосновательное обогащение бенефициаров организации (в качестве аналогии приведем списание кредиторской задолженности согласно положениям п. 18 ст. 250 НК РФ, когда она учитывается в составе внереализационных доходов при получении исполнения от кредитора безвозмездно). Следовательно, обогащение бенефициара при неуплате налогов происходит фактически за счет государства, поэтому взыскивать с него причиненный вред полагаем правомерным.

Однако основные правоприменительные проблемы при заявлении гражданских исков в порядке гражданского судопроизводства возникают именно в связи с необходимостью у налогового органа либо прокурора доказывать исчерпание либо отсутствие правовых оснований взыскания недоимки с налогоплательщика либо третьих лиц, так как перечень таких оснований является открытым, «взыскание может реализовываться в налогово-процессуальной, гражданской (арбитражной) процессуальной формах, а также в рамках исполнительного производства и конкурсного процесса» [4, с. 19], и доказательства исчерпания оснований взыскания выражаются множеством процессуальных документов различных органов в зависимости от конкретной ситуации.

Нами проанализирована судебная практика по более чем 300 делам о взыскании с физических лиц ущерба, причиненного налоговыми преступлениями, сумма причиненного ущерба составила более 10 млрд. руб.

В ходе исследования принятых решений установлено удовлетворение судами более 70% от заявленных требований, а основными критериями, которые признаются в качестве подтверждения исчерпания правовых оснований взыскания с налогоплательщика и третьих лиц, является невозможность взыскания, подтвержденная постановлением судебного пристава-исполнителя (однако встречаются и исключения, когда данное постановление не было признано достаточным доказательством исчерпания всех возможных

мер взыскания по основанию возможности повторного предъявления исполнительного документа к исполнению¹), ликвидация организации, которой предшествовало окончание конкурсного производства, а также нахождение налогоплательщика в стадии конкурсного производства.

Кроме того, установлена следующая особенность рассмотрения судами исков при признании налогоплательщика банкротом и открытии конкурсного производства, не прекращенного на момент рассмотрения иска — по 7 гражданским искам на сумму 2,3 млрд. руб. требования удовлетворены — преимущественно в связи с тем, что конкурсной массы безусловно недостаточно для удовлетворения требований кредиторов, в том числе по причинению ущерба бюджету преступным деянием², по 18 искам на сопоставимую сумму — 2,31 млрд. руб. — в удовлетворении гражданского иска отказано в связи с тем, что конкурсное производство не завершено, и заявление иска преждевременно³. В целом практика на современном этапе склоняется к тому, что заявление гражданского иска может быть произведено только после завершения конкурсного производства, что соответствует позиции КС РФ по данному вопросу.

Отсутствие четкого перечня оснований, свидетельствующих об исчерпании возможностей взыскания с самого налогоплательщика либо третьих лиц, приводит к разной их оценке судами в различных обстоятельствах, к необходимости подтверждения разного рода доказательствами, которые признаются достаточными на усмотрение суда, к длительным судебным разбирательствам, возврату дел на новое рассмотрение, в период данных разбирательств бюджет недополучает причитающиеся ему суммы налогов и пени, являющихся результатом преступного уклонения лиц⁴.

В ходе анализа также установлено, что по результатам рассмотрения 5 гражданских исков на сумму более 107 млн. руб. в удовлетворении требований отказано в связи с пропуском срока исковой давности, что недопустимо и приводит к значительным потерям бюджета, выявлены также случаи, когда необходимость заявления гражданского иска в целях возмещения ущерба устанавливалась только по результатам прокурорских проверок⁵.

Физические лица – ответчики всячески противодействуют взысканию с них вреда, вводя суд в заблуждение, затягивая сроки, в том числе пользуясь и открытым перечнем оснований возможного взыскания, например, когда у налогоплательщиков, длительное время не уплачивающих недоимку, не

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.04.2021 № 88-6634/202. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например, Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 12.11.2018 по делу № 33-5974/2018; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 11.06.2020 № 33-4641/2020 по делу № 2-1244/2019; Решение Моршанского районного суда Тамбовской области от 24 ноября 2020 г. по делу № 2-1014/2020. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например, Решение Ворошиловского районного суда города Ростова-на-Дону от 03.09.2020 по делу № 2-2800/2020; Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2023 № 88-487/2023, Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06.04.2023 по делу № 88-2585/2023. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.12.2021 № 20-КГ21-12-К5. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., например, Апелляционное определение Архангельского областного суда от 14.03.2023 по делу № 33-1055/2023; Решение Агинского районного суда Забайкальского края от 11.07.2023 по делу № 2-426/2023; Решение Ворошиловского районного суда города Ростова-на-Дону от 28.10.2022 по делу № 2-3315/2022; Заочное решение Ленинского районного суда города Махачкалы от 24.08.2022 по делу № 2-2704/2022. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

имеющих никаких активов и не осуществляющих деятельность, в ходе судебного разбирательства выявляется кредиторская задолженность, которая, предположительно, может свидетельствовать о фактическом ведении деятельности, заявляются доводы о фактическом ведении юридическим лицом деятельности¹, о гипотетической возможности взыскать долг за счет средств от предоплаты в адрес контрагентов и/или признания каких-либо сделок юридического лица недействительными², что требовало дополнительной проверки судом и опровержения прокурором либо налоговым органом данных фактов. Зачастую в целях затруднения взыскания ущерба с физических лиц налогоплательщики мигрируют на учет в другой субъект и затем реорганизуются в форме присоединения к другому лицу, в дальнейшем ликвидируемому³.

Кроме того, к серьезным финансовым и временным тратам ответчиков и государственных органов, и в целом к разбалансировке механизма предъявления гражданского иска в делах о налоговых преступлениях приводят также длительные сроки расследования уголовных дел и рассмотрения гражданских исков — в ряде случаев ущерб взыскивался через 10—11 лет⁴ после вынесения решения по результатам проверки.

Таким образом, проведенный анализ судебной практики демонстрирует противоречивый подход судов к оценке схожих обстоятельств, а основной причиной, на наш взгляд, является отсутствие нормативного закрепления конкретного перечня документов, подтверждающих исчерпание либо отсутствие правовых оснований взыскания недоимки с налогоплательщика либо третьих лиц в целях возложения обязанности возместить ущерб бюджету на физическое лицо, виновное в налоговом преступлении.

Также необходим более взвешенный подход к организации контроля за возмещением причиненного налоговыми преступлениями ущерба в целях исключения и преждевременного заявления гражданского иска, и пропуска сроков исковой давности.

Список источников

1. Седелкина В. В. Кто он - гражданский истец в уголовном процессе по делам о налоговых преступлениях? // *Налоги*. 2018. № 3. С. 30—32.
2. Анганзоров О. В. Надо ли признавать потерпевшим государство? // *Законность*. 2017. № 9. С. 54—55.
3. Рябов А. А., Соловьева Н. А. Деликтная ответственность руководителей по налоговым обязательствам организаций: противоречие судебной

¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.09.2022 № 88-17776/2022 по делу № 2(1)-1492/2021; Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2022 № 88-462/2022; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2020 № 88-11807/2020. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.03.2020 г. по делу № 88-5567/2020. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например, Решение Центрального районного суда города Оренбурга от 09.07.2018 № 2-2223/2018; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.07.2020 по делу № 88-9955/2020. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 18.05.2021 № 88-4283/2021; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.08.2021 г. № 47-КГ21-8-К6, 2-642/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

практики и законодательства (о проблеме межотраслевых связей уголовного, налогового и гражданского права) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 66—71.

4. Стрельников В. В. О гражданском иске в уголовных делах по налоговым преступлениям (Начало) // Налоговые споры: теория и практика. 2007. № 10. С. 19—22.

Информация об авторе

Е. В. Пушторская — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации.

Information about author

E.V. Pushtorskaia — Postgraduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

УДК 434.1

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА С ИНЫМИ ПРИНЦИПАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Алла Геннадьевна РОМАНЬКО, Яна Юрьевна ЛИХОМАНОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, aromanko22@gmail.com, Lihomanova2003yana@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Николай Валентинович КУЛИК**, kulik-n@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимодействия принципа языка с иными принципами уголовного судопроизводства. Делается вывод, о том, что принцип языка уголовного судопроизводства во взаимодействии с иными принципами способствует соблюдению прав и законных интересов всех участников процесса, вынесению обоснованного и справедливого решения по делу.

Ключевые слова: принципы, уголовное судопроизводство, права и свободы человека и гражданина, язык, переводчик

ON THE QUESTION OF INTERACTION OF THE LANGUAGE PRINCIPLE WITH OTHER PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Alla G. ROMANKO, IanaU. LIHOMANOVA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg,
aromanko22@gmail.com, Lihomanova2003yana@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology of St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of Legal Sciences, assistant professor **N. V. KULIK**, kulik-n@mail.ru

Abstract. The article discusses the interaction of the principle of language with other principles of criminal proceedings. It is concluded that the principle of the language of criminal proceedings, in interaction with other principles, contributes to the observance of the rights and legitimate interests of all participants in the process, and the adoption of a reasonable and fair decision in the case.

Keywords: principles, criminal proceedings, human and civil rights and freedoms, language, translator

Конституцией Российской Федерации, а именно частью 1 статьи 68, русский язык провозглашен в качестве государственного языка, действие которого распространяется на всю территорию Российской Федерации. Установлено, что он выступает в качестве языка государствообразующего народа, являющегося составной частью многонациональных союзов равноправных народов.

Положения Конституционных норм выступают основой конструирования норм уголовно-процессуального законодательства, а именно основополагающих начал их действия. В частности, язык уголовного судопроизводства как самостоятельный принцип — закреплен в ст. 18 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Он определяет порядок речевого общения, а также совокупность процессуальных мер, целью которых является обеспечение уголовно-правового статуса участников уголовного судопроизводства, не владеющих или недостаточно владеющих языком, на котором ведется производство по уголовному делу, использовать родной язык, в том числе пользоваться переводчиком в установленном законом порядке. Кроме этого, принцип языка уголовного судопроизводства презюмирует возможность ведения процесса по уголовному делу по первой инстанции у мировых судей, в районных, городских, Верховных судах Республик на государственных языках республик, входящих в состав Российской Федерации.

В целом, рассматривая такую категорию, как принципы, необходимо отметить, что, применительно к уголовно-процессуальному законодательству, их реализация обусловлена необходимостью оказания регулятивного воздействия на деятельность самостоятельного субъекта уголовно-процессуальных отношений — подсудимого. Действие же принципов находится в прямой зависимости с занимаемой им позиции по делу, находящей свое отражение в мерах, предпринимаемых подсудимым в целях защиты своих прав и законных интересов¹. В связи с чем, сам по себе принцип языка уголовного судопроизводства, не может существовать в отрыве от иных принципов уголовного процесса.

¹ Артамонова Е.А. Общая характеристика взаимосвязи волеизъявления обвиняемого и уголовно-процессуальных принципов // Вестник ВИ МВД России. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-vzaimosvyazi> (дата обращения: 10.03.2024).

Взаимосвязь принципов уголовного судопроизводства подтверждается положениями Определений Конституционного Суда РФ¹. В частности, речь идет о необходимости реализации участниками процесса своих прав вкупе с принципом добросовестности. Указанное, как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, выступает в качестве залога реализации конституционных принципов судопроизводства.

Роль принципа языка уголовного судопроизводства весьма значительна, поскольку как верно отмечает Артамонова Е. А., указанный принцип является некоторым «связующим звеном», обуславливающим взаимодействие волеизъявления обвиняемого и иных принципов уголовного процесса². В частности, речь идет о том, что действие принципа языка способствует реализации принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому, а также подсудимому и осужденному права на защиту, которое они могут осуществить лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя.

Рассмотрим пример взаимодействия этих двух принципов. Так защитник подсудимого в своей апелляционной жалобе считает необоснованными, немотивированными и незаконными выводы суда о том, что подсудимый в достаточной степени владеет русским языком для осуществления своего права на защиту и не нуждается в переводчике. Отказ подсудимого от использования русского языка по настоящему уголовному делу суд расценил как злоупотребление правом, предусмотренным ч. 2 ст. 18 УПК РФ. Судом апелляционной инстанции доводы защитника признаны несостоятельными, расценены как избранный способ защиты, поскольку подсудимый в достаточной степени владеет русским языком для реализации своих прав и обязанностей³.

Одним из гарантов реализации принципа языка уголовного судопроизводства и права подозреваемого, обвиняемого на защиту является наличие уголовно-процессуальных условий, при которых требуется обязательное участие защитника. Одним из таких, в силу положений п. 4 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, являются ситуации, при которых подозреваемый, обвиняемый не обладает знаниями языка, на котором ведется производство по уголовному делу.

Однако, по нашему мнению, осуществление права на защиту и обеспечение возможности его осуществления — не тождественные понятия и не предоставление переводчика, не всегда влечет за собой нарушение права на защиту, как основание отмены решения суда. Как правило, право на защиту осуществляется подозреваемым, обвиняемым, защитником, в то время как условия для осуществления субъективного права участниками процесса на соответствующих стадиях обеспечивают уполномоченные лица — в данном случае переводчик.

¹ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2004 г. № 384-О, от 14 декабря 2000 г. № 269-О, от 17 октября 2006 г. № 425-О, от 19 июля 2011 г. № 17-П. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Артамонова Е.А. См. Там же.

³ Апелляционное постановление Иркутского областного суда по делу № 22-3636/2023 от 7 сентября 2023 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AePiF6LefGlc/> (дата обращения: 13.04.2024)

Принцип языка уголовного судопроизводства также находится в тесной взаимосвязи с принципом разумного срока уголовного судопроизводства. Особо ярко взаимодействие указанных принципов проявляется при наличии злоупотреблений своими правами подозреваемым, обвиняемым.

Как показывает правоприменительная практика, участники уголовного процесса, являющиеся носителями государственных языков субъектов, входящих в состав Российской Федерации, и в то же время языка, на котором ведется производство по уголовному делу, нередко в рамках предварительного расследования заявляют ходатайство о предоставлении им в ходе предварительного расследования переводчика, и их желании давать показания на родном языке. Предназначением указанных ходатайств для стороны, непосредственно их заявляющей, является стремление к затягиванию процессуальных сроков, а также созданию органам предварительного расследования препятствий.

Так, например, обвиняемым Ш. в течение непродолжительного периода времени было направлено значительное число ходатайств о предоставлении переводчика¹. Несмотря на то, что данные ходатайства удовлетворены не были, указанное привело к увеличению сроков предварительного расследования, а вместе с тем создало предпосылки к нарушению принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

Таким образом, реализация принципа уголовного судопроизводства, выражающая в обеспечении права использования переводчика, не должна исключать разумность срока рассмотрения дела, решение задач правосудия и защиту прав и свобод других участников судопроизводства².

Как ранее упоминалось, главной задачей языка уголовного судопроизводства является коммуникация между участниками уголовно-процессуальных отношений, в случае не владения или недостаточного владения, участником правоотношений, языком судопроизводства. В связи с чем, данный принцип находится в тесном взаимодействии с принципом равенства.

По мнению И. Б. Михалковской, «принцип устанавливающий язык уголовного судопроизводства, не предопределяет содержательную сторону правил доказывания, не отражает общеправовой статус личности применительно к сфере уголовно — процессуальных отношений, поскольку этот принцип произведен от конституционного положения о равенстве всех перед судом и законом [1, с. 75].

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, равноправие в рамках уголовного судопроизводства предполагает предоставление сторонам обвинения и защиты равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих прав и законных интересов³.

Применительно к принципу свободы оценки доказательств, принцип языка уголовного судопроизводства выступает определенным гарантом

¹ Уголовное дело № 1-18/2016 (1-297/2015) по обвинению гражданина Ш. в совершении преступления, предусмотренного п. "в" ч. 2 ст. 158 УК РФ // Архив Соль-Илецкого районного суда Оренбургской области.

² Определение Конституционного Суда РФ от 20 июня 2006 г. № 243-О. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно - процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 4 ноября 2004 г. № 430-О. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

точного и неуклонного исследования материалов дела, а также обеспечения ранее указанной возможности понимания происходящего в процессе.

Как верно отмечает И. Л. Петрухина, «оценка доказательств представляет собой мыслительную деятельность следователя, прокурора, судьи, осуществляемую в логических формах при соблюдении методологии познания, обеспечивающей достижение истины» [2, с. 427].

Очевидно, что такая деятельность возможна при наличии информации и сведений, которые могут быть прочитаны и поняты не только профессиональными участниками уголовного судопроизводства, но и иными субъектами процессуальных отношений для исключения неверной интерпретации обстоятельств, подлежащих доказыванию и пробелов в доказывании. Перечисленные положения соотносятся и с правом на предоставление переводчика.

На основании изложенного, можно сделать вывод, о том, принцип языка во взаимодействии с иными принципами уголовного судопроизводства предусматривает надежные и доступные механизмы его реализации на всех стадиях производства по уголовному делу, является одной из юридических гарантий достижения истины в уголовном судопроизводстве, что в свою очередь способствует соблюдению прав и законных интересов всех участников процесса, вынесению обоснованного и справедливого решения по делу и не исключает продолжения поиска научно обоснованных путей совершенствования действующего законодательства и рекомендаций для правоприменительной практики.

Список источников

1. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. Москва. ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 192 с.
2. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. Москва. Юрид. лит., 1973. 736 с.

Информация об авторах

А. Г. Романько — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Я. Ю. Лихоманова — студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about authors

A. G. Romanko — Postgraduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

I. U. Lihomanova — Student of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ДОКАЗЫВАНИЕ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 238 УК РФ

Анна Сергеевна СЛАВИЧ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, anna.slavich@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Мария Александровна ГРИГОРЬЕВА**, mgrek@inbox.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности определения и доказывания предмета производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Проанализирована правоприменительная практика по проблематике исследования.

Ключевые слова: предмет преступления, доказывание, товары и услуги, не отвечающие требованиям безопасности

DEFINITION AND PROOF OF THE SUBJECT OF THE CRIME PROVIDED BY ARTICLE 238 OF THE RF CRIMINAL CODE

ANNA S. SLAVICH

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg,
anna.slavich@mail.ru

Scientific adviser — Assistant professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), assistant professor, **M.A. GRIGORIEVA**, mgrek@inbox.ru

Abstract. The features of determining and proving the subject of production, storage, transportation or sale of goods and products, performance of work or provision of services that do not meet safety requirements are considered. Law enforcement practice on the research issues is analyzed.

Keywords: subject of the crime, evidence, goods and services that do not meet security requirements

Предмет преступления относится к обстоятельствам события преступления, его верное определение имеет принципиальное значение для правильной квалификации деяния, а необходимость доказывания обстоятельств события преступления предусмотрена ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Предмету преступления, предусмотренному ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) уделяется внимание в научных исследованиях. В большинстве своем эти исследования посвящены уголовно-правовой характеристике и проблемам квалификации деяния, предусмотренного ст. 238 УК РФ. Работы, посвященные расследованию и доказыванию по делам о преступлении исследуемого вида, единичны.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что в научном сообществе не сложилось единства мнений о сущности предмета преступного посягательства. Одни ученые под предметом преступного посягательства понимают ту материальную вещь, в связи и по поводу которой совершается преступление. Предмет характеризует объект преступления, он связан с теми общественными отношениями, на которые направлено деяние [1, с. 28]. Другие полагают его введение в правовой оборот необоснованным [2, с. 7].

Как отмечено в работе М. В. Кардашевой, в криминалистике предмет преступного посягательства связывают, прежде всего, с имущественными преступлениями, несмотря на то, что в уголовно-правовой доктрине большинство ученых этот элемент выделяют по всем преступлениям. Описание предмета преступного посягательства в криминалистической характеристике чаще всего сводится к перечислению вещей, которые были похищены. Представляется, что в таком виде данный элемент не способствует выполнению основной функции криминалистической характеристики преступлений — выступать в качестве основания для выдвижения следственных версий. В тоже время предмет преступного посягательства имеет большое значение в расследовании преступлений, так как содержит наибольшее количество доказательственной информации и, прежде всего он отражает способы действий преступника [3, с. 237].

Предмет преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ достаточно широк. Он включает в себя товары, продукцию, работы и услуги, не отвечающие требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а также официальные документы, которые удостоверяют соответствие товаров, работ и услуг требованиям безопасности.

Определение предмета преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, вызывает сложности и у следователей, прокуроров, судов. Результаты изучения правоприменительной практики позволяют констатировать неверное применение правовой нормы, содержащейся в ст. 238 УК РФ, «во всех случаях жизни». Подобной точки зрения придерживаются и исследователи проблем толкования нормы, содержащейся в ст. 238 УК РФ [4, С. 20—24]. Так, Е. О. Игониной проведен анализ специфичного применения указанной статьи при квалификации деяний. По мнению автора, не исполнение или ненадлежащее исполнение медицинскими сотрудниками профессиональных обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к своим обязанностям, повлекшие по неосторожности тяжкие последствия, не являются предметом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ. Позиция автора подкреплена примером из правоприменительной практики. Раменским городским судом 19 декабря 2017 г. врач-пульмонолог Е. С. Ширяева признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ. Так, Е. С. Ширяевой не проведены обследования, необходимые при тромболии легочных артерий.

Непроведение медицинских мероприятий повлекло несвоевременную диагностику и, как следствие, ошибочную тактику ведения больного. М. скончался от тромбоэмболии легочной артерии. Лечащим врачом Е. С. Ширяевой назначено внутривенное введение аминокaproновой кислоты, противопоказанной при тромбоэмболии. Согласно заключению экспертов между дефектами оказания медицинской помощи и наступлением смерти М. имеется прямая причинная связь. Действия Е. С. Ширяевой квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ [5, С. 128—134]. Автор придерживается позиции, что чаще всего в подобной ситуации действия медицинских работников квалифицируются по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Тем не менее, в конкретном случае действия врача квалифицированы по ст. 238 УК РФ, что является нелогичным.

Недостатки правоприменительной практики по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 238 УК РФ, детерминированы в известной степени отсутствием разработанной частной методики расследования производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, в частности, неразработанностью научных рекомендаций по доказыванию обстоятельств относительно предмета данного преступления.

Небезынтересен с точки зрения определения и доказывания предмета исследуемого преступления следующий пример. Приговором Центрального районного суда г. Сочи по делу № 1-7/2022, оставленным без изменения в декабре 2023 года судом апелляционной инстанции, директор сети аптек признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ.¹

Из материалов уголовного дела, возбужденного по результатам направления прокурором в следственный орган мотивированного постановления в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, следует, что гражданка О., являясь директором сети аптечных организаций, имея соответствующую лицензию на осуществление данной деятельности, вопреки требованиям Федерального закона № 61-ФЗ от 12.04.2010 «Об обращении лекарственных средств» нарушила правила розничной торговли лекарственными препаратами, утвержденные уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, что привело к возникновению реальной угрозы причинения лицам тяжкого вреда здоровью либо их смерти в результате применения ими лекарственных препаратов, отпуск которых подлежит в соответствии с действующим законодательством предметно-количественному учету, осуществляется по соответствующему рецепту с соблюдением требований к первичной и вторичной упаковке препарата.

Постановлением Пленума ВС РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»² определено, что в тех случаях, когда для установления характера опасности товаров, продукции, работ или услуг

¹ Приговор Центрального районного суда г. Сочи от 19.12.2022 по делу № 1-7/2022. Архив Центрального районного суда г. Сочи.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.

требуются специальные знания, суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов. В рассматриваемой ситуации, в соответствии с заключениями экспертов, у несовершеннолетних лиц наступило острое отравление, подтвержденное выявленной у них клинической картиной отравления и данными анамнеза, вызвавшее кратковременное расстройство здоровья продолжительностью менее трех недель и по данному признаку квалифицированное как легкий вред здоровью. При отсутствии своевременного оказания медицинской помощи, по мнению экспертной комиссии, имелась возможность более глубокого угнетения сознания до уровня комы 2—3 степени, являющегося опасным для жизни, которое не могло быть компенсировано организмом самостоятельно и не исключало наступления последствий в виде смерти.

Таким образом, в результате оказания гражданкой О. фармацевтических услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, имелась реальная опасность для жизни и здоровья несовершеннолетних М., Я., К., которая выразилась в угрозе причинения указанным лицам тяжкого вреда здоровью либо их смерти в результате потребления ими лекарственными препаратами «Баклосан», «Прегабалин» и «Цикломед», отпуск которых по указанию директора аптечных организаций О. осуществлялся работниками аптек с нарушениями установленных законом правил отпуска данной категории лекарственных препаратов.

В уголовном деле имеется следующая информация о предмете преступления: как следует из показаний провизоров указанных аптечных организаций, при трудоустройстве на работу, а также в последующем директором аптечных организаций подчиненным работникам в устной форме даны указания о необходимости отпуска лекарственных препаратов для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету, в нарушение требований закона, а именно: об отпуске таких лекарственных препаратов всем лицам, вне зависимости от их возраста, в отсутствие рецептов либо назначения врача; в любом количестве, независимо от предельного допустимого или рекомендованного к отпуску количества лекарственного препарата; в отсутствие первичной упаковки лекарственного препарата; без внесения соответствующих сведений о продаже таких лекарственных препаратов в журнал предметно-количественного учета. Вышеуказанные обстоятельства также подтверждаются результатами оперативно-розыскной деятельности.

Так, работниками аптек осуществлена реализация несовершеннолетним лекарственных препаратов «Прегабалин», «Цикломед», «Терпинкод», «Залдиар», «Лирика» и др., подлежащих исключительно рецептурному отпуску, без наличия такового. Кроме того, продажа осуществлена с нарушением целостности первичной упаковки (поштучно) в нарушение четко определенных правил, что подтверждается показаниями провизоров, протоколами обыска в помещениях аптек, результатами оперативно-розыскной деятельности.

Употребление несовершеннолетними данных препаратов послужило основанием для их экстренной госпитализации вследствие острого отравления.

Указанные обстоятельства уголовного дела подтверждаются показаниями сотрудников скорой медицинской помощи, медицинских работников, оказывающих реанимационные действия, показаниями потерпевших и заключениями соответствующих судебно-медицинских экспертиз.

В ходе предварительного следствия в помещениях аптек были обнаружены и изъяты лекарственные препараты, подлежащие предметно-количественному учету, без упаковки, поименованные как Прегабалин», «Цикломед», «Терпинкод», «Залдиар», «Лирика» и др., продажа которых, согласно показаниям провизоров, производилась с нарушениями требований закона в протяжении не менее 4 лет.

Таким образом, определение предмета данного преступления в виде соответствующих правил осуществления фармацевтических услуг, при условии возникшей реальной опасности для жизни или здоровью человека (что исключает применения в данном случае наличие состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.4.2 КоАП РФ — нарушение законодательства об обращении лекарственных средств), послужили основанием для применения ст. 238 УК РФ.

Кроме прочего, ввиду того, что фармацевтическая деятельность вышеуказанной организации на протяжении длительного времени осуществлялась с грубыми нарушениями действующего законодательства, что создавало условия для наступления негативных последствий для жизни и здоровья граждан, в том числе несовершеннолетних, прокурором Центрального района г. Сочи направлено исковое заявление о признании действий организации по отпуску лекарственных средств нарушающими требования Правил отпуска лекарственных препаратов для медицинского применения лицами, имеющими лицензию на фармацевтическую деятельность, утвержденных Приказом Минздрава России от 11.07.2017 № 403н, и об аннулировании соответствующей лицензии. Данные требования решением Центрального районного суда г. Сочи удовлетворены.

Список источников

1. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А. А. Арямов, Т. Б. Басова, Е. В. Благов и др.; отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. 382 с.

2. Кузнецов И. В. Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08/ Кузнецов Игорь Владимирович. Орел, 2006.

3. Кардашевская М. В. Предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений. Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. 341 с.

4. Прозументов Л. М., Архипов А. В. Ошибки толкования ст. 238 УК РФ в деятельности субъектов правоприменения // Российская юстиция. 2018. № 12. 78 с.

5. Игонина Е. О. Квалификационные казусы применения ст. 238 УК РФ при расследовании ятрогенных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. 412 с.

Информация об авторе

А. С. Славич — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about author

A. S. Slavich — Postgraduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Арсений Сергеевич СУХОДОЛОВ

Санкт-Петербургского юридического институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, arsenii_s@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, **Николай Валентинович КУЛИК**, kulik-n@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности уголовного преследования по делам частного обвинения, определены его субъект, объект, цель и пределы.

Ключевые слова: частный обвинитель, частное обвинение, уголовное дело частного обвинения, уголовное преследование

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF CRIMINAL PROSECUTION IN CASES OF PRIVATE PROSECUTION

Arseniy S. SUKHODOLOV

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg,
arsenii_s@mail.ru

Scientific advisor — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D in Law, **N. V. KULIK**, kulik-n@mail.ru

Abstract. The article goes into the features of criminal prosecution in cases of private prosecution, defines its subject, object, purpose and limits.

Keywords: private prosecutor, private prosecution, criminal case of private prosecution, criminal prosecution

Выдвижение частного обвинения — процессуальный акт, отражающий утверждение физическим лицом, которое имеет статус потерпевшего или его законного представителя и осуществляет обвинение от своего имени и в своих интересах, о совершении конкретным лицом преступления по делу частного обвинения.

Сущность данного акта обусловлена природой частного обвинения, выдвигаемого потерпевшим на определенном этапе производства. В свою очередь, обвинение входит как составная часть в понятие уголовного преследования, которое определено законодателем как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Для уяснения сути уголовного преследования по делам частного обвинения полагаем необходимым обозначить состав его участников, цель, пределы. Однако прежде необходимо остановиться на таком признаке уголовного преследования как процессуальность.

Когда информация о преступлении уже получена, но еще не возбуждено уголовное дело, деятельность потерпевших по делу частного обвинения, в отличие от дел частно-публичного либо публичного обвинения, не может найти своего выражения в форме проверки в порядке ст. 144—145 УПК РФ.

Возникает вопрос, обладают ли действия потерпевших по делам частного обвинения процессуальностью. Единственным действием, которое совершается в соответствии с процессуальной формой, является подача потерпевшим в суд заявления, отвечающего требованиям ст. 318 УПК РФ. Признание такого заявления в качестве обвинительного акта повышает его значение в сравнении с заявлениями потерпевших по делам о преступлениях публичного либо частно-публичного обвинения. В случае облечения заявления в надлежащую форму, отвечающую требованиям ч. 5 ст. 318 УПК РФ, можно говорить о том, что такое действие является процессуальным.

В отличие от обвинительного акта, который составляется по результатам проведенного в форме дознания предварительного расследования и подписывается дознавателем, а утверждается начальником органа дознания и прокурором, заявление по делу частного обвинения подписывается потерпевшим и не требует согласований либо утверждений. Соответственно, последствия подписания заявления потерпевшим тождественны составлению обвинительного акта дознавателем, утверждению его начальником органа дознания и прокурором (за исключением лишь того, что вследствие вынесения обвинительного акта лицо приобретает статус обвиняемого, а заявление потерпевшего таких последствий не влечет). В соответствии с идеей автономной процессуальности [1. с. 259] составление потерпевшим заявления по делу частного обвинения является процессуальным не потому, что совершено определенным субъектом, а в силу того, что облечено в соответствующую процессуальную форму. Подавая заявление, потерпевший, выполняет процессуальную функцию, без которой осуществление правосудия по делам частного обвинения оказывается невозможным, то есть становится частью судебной власти в функциональном смысле [2. с. 41].

Таким образом, приходим к несомненному выводу о том, что деятельность потерпевшего по делу частного обвинения, в частности, при составлении заявления, обладает признаком процессуальности и, таким образом, соответствует определению уголовного преследования.

Очевидно, что приведенное в п. 55 ст. 5 УПК РФ определение сформулировано безотносительно вида уголовного преследования и при применении его к уголовному преследованию, осуществляемому в публичном либо частно-публичном порядке, явных противоречий не обнаруживает. Однако, при попытке с учетом п. 55 ст. 5 УПК РФ дать определение уголовного преследования по делам частного обвинения неизбежно возникают противоречия, для выяснения которых необходимо определить субъектный и объектный состав частного обвинения.

Субъектами уголовного преследования по делам частного обвинения могут быть только лица, правомочные осуществлять функцию уголовного преследования, выдвижения и поддержания обвинения по делам частного обвинения. На практике и в уголовно-процессуальной литературе широко используются понятие потерпевший, частный обвинитель, которые являются стороной обвинения и в силу этого становятся субъектами уголовного преследования, но не применяется оппозиционно-соотносительное им понятие, обозначающее объект обвинения. Поскольку тезис уголовного преследования и обвинения реализуется лишь в структуре субъектно-объектных отношений, то очевидна невозможность существования в реальном процессе субъекта обвинения (уголовного преследования) без объекта обвинения (уголовного преследования) и наоборот. Следовательно, называя одно из этих понятий, мы предполагаем его соотносительность с другим. При этом используемые в настоящее время по делам частного обвинения понятия «лицо, привлекаемое к уголовной ответственности», «лицо, в отношении которого подано заявление», либо «подсудимый» не могут заменить понятие объект обвинения (уголовного преследования), ибо первые два не отнесены законодателем к стороне защиты, а последний (подсудимый) появляется лишь после вынесения мировым судьей постановления о назначении рассмотрения уголовного дела в судебном заседании. Следовательно, в период с момента совершения преступления и до назначения судебного разбирательства, отсутствует объект обвинительной деятельности, что с точки зрения приведенного в п. 55 ст. 5 УПК РФ определения исключает возможность осуществления уголовного преследования, поскольку такая деятельность возможна только в отношении подозреваемого либо обвиняемого. Между тем, в указанный период потерпевшим составляется заявление, заявление подается мировому судье, суд может вынести постановление о принятии заявления к производству, что наделяет потерпевшего статусом частного обвинителя. Более того, вызывается лицо, в отношении которого подано заявление и ему предъявляются для ознакомления материалы дела, разъясняются права обвиняемого, указанное лицо вправе заявить ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке, либо о проведении предварительного слушания, между тем, указанное лицо не является подозреваемым, обвиняемым и еще не стало подсудимым, то есть не отнесено ни к одному из предусмотренных законом участников уголовного судопроизводства со стороны защиты.

Из приведенного законодателем определения уголовного преследования следует, что объектами обвинения являются подозреваемый и обвиняемый. Иные участники уголовного процесса, в том числе «лицо, привлекаемое к уголовной ответственности», «лицо, в отношении которого подано заявление», «обвиняемый» либо «подсудимый» к числу объектов уголовного преследования не отнесены. Таким образом, буквальное толкование п. 55 ч. 5 УПК РФ приводит к выводу о том, что по делам частного обвинения потерпевшим осуществляется уголовное преследование подозреваемых и обвиняемых. Между тем, подозреваемые и обвиняемые не могут быть участниками уголовного процесса по делам частного обвинения поскольку по таким делам не принимаются процессуальные решения, предусмотренные ст. 46, 47 УПК РФ. Таким образом, при рассмотрении понятия уголовное преследование по делам частного обвинения приходим к выводу о том, что при наличии субъекта уголовного преследования отсутствует объект уголовного преследования. Невольно напрашивается вопрос, возможно ли вообще уголовное преследование по делам частного обвинения? Возможно уголовное преследование по делам частного обвинения невозможно и именно по этой причине в определении уголовного преследования отсутствует объект уголовного преследования. Ответ на него находим в ч. 1 ст. 20 УПК РФ, которая подразделяет осуществление уголовного преследования в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления на публичный, частно-публичный и частный порядок. Таким образом, уголовное преследование осуществляется не только по делам публичного, частно-публичного обвинения, но и по делам частного обвинения. Помимо этого, ч. 1 ст. 20 УПК РФ соотносит уголовное преследование и обвинение в суде как целое и часть, поскольку обвинение в суде включено в понятие уголовное преследование.

Далее полагаем необходимым определить цель уголовного преследования. Согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ, ею является «изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». Следует отметить, что в сформулированном виде цель уголовного преследования тесно связана с объектами уголовного преследования в лице подозреваемого и обвиняемого. Подобная формулировка предполагает существование цели уголовного преследования лишь относительно подозреваемого и обвиняемого и наоборот, без указанных объектов уголовного преследования цель как будто отсутствует. Таким образом, ограничение цели уголовного преследования привязкой к подозреваемому и обвиняемому автоматически лишает цели уголовное преследование по тем делам, где эти участники уголовного преследования либо еще не появились, либо их появление невозможно. К первому типу уголовных дел относятся дела, возбужденные в отношении неустановленных лиц, а ко второму — уголовные дела частного обвинения. Однако, означает ли это что есть дела, уголовное преследование по которым не имеет цели? Очевидно, что независимо от вида уголовного преследования таких уголовных дел нет.

На наш взгляд, более уместно сформулировать цель уголовного преследования как деятельность стороны обвинения направленную на полное, всестороннее и объективное установление состава преступления, выдвижение

и доказывание обвинения. Приведенное определение носит сбалансированный характер и одинаково соответствует целям уголовного преследования по делам частного, частно-публичного и публичного обвинения.

Переходя к вопросу определения момента начала и прекращения уголовного преследования по делам частного обвинения, обратимся к аналогичному вопросу по делам публичного и частно-публичного обвинения. В этой связи примечательно мнение А. Г. Халиулина: «Уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела. Таким образом, понятие «возбуждение уголовного преследования» тождественно понятию «возбуждение уголовного дела»...» [3, с. 35]. Аналогичной точки зрения о начале уголовного преследования с момента возбуждения уголовного дела придерживаются Чельцов М. А., Жук О. Д., Панферов М. В. и другие.

Применительно к делам частного обвинения подобный подход означал бы начало уголовного преследования с момента вынесения судом постановления о принятии заявления к производству. Таким образом, вся процессуальная деятельность потерпевшего до вынесения судом такого постановления оставалась бы за рамками уголовного преследования. Возникает ситуация, когда деятельность потерпевшего по составлению заявления, соответствующего требованиям ч. 5 ст. 318 УПК РФ, с одной стороны является выдвижением обвинения, а с другой стороны, находится за рамками уголовного преследования, поскольку заявление еще не принято к производству судом, а значит, уголовное дело не возбуждено. И означает ли это что процессуальная деятельность потерпевшего по выдвижению обвинения находится за пределами уголовного преследования?

На наш взгляд, моментом начала уголовного преследования по делам частного обвинения является любая процессуальная деятельность потерпевшего, предпринимаемая в целях изобличения объекта обвинения, которая, во всяком случае начинается до возбуждения уголовного дела.

В отношении момента завершения уголовного преследования по делам частного обвинения, мы согласны с мнением Панферова М. В. о том, что момент окончания — вынесение соответствующего итогового процессуального акта (постановления, приговора) [4, с. 244].

Подводя итог, отметим, что уяснение понятия уголовного преследования по делам частного обвинения позволяет прийти к выводам о том что с одной стороны, его осуществление всецело возложено на потерпевшего либо его законного представителя, а с другой стороны понятие объекта обвинения по этой категории дел размыто, что наряду с отсутствием наполнения статуса потерпевшего необходимыми полномочиями создает условия для имитации уголовного преследования, и в конечном счете приводит к недостижению целей уголовного судопроизводства.

Само по себе существование института частного обвинения требует интеграции в государственную систему правосудия. Однако, в существующей редакции институт частного обвинения в государственную систему правосудия не встроен. В целях разрешения обозначенных коллизий необходимо найти институциональное русло для материалов и заявлений по делам частного обвинения, которые безуспешно бьются о функциональную дамбу «возбуждения уголовного дела», обороняющую чистоту «процессуального» от наплывов «непроцессуального».

Список источников

1. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: Монография. М.: Городец, 2022. 464 с.
2. Романов С. В. Уголовный процесс и правосудие: полнота судебной власти // Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головкин. 3-е изд. Москва: Статут, 2021. 1328 с.
3. Халиулин А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России / А. Г. Халиулин. Кемерово. 1997. 223 с.

Информация об авторе

А. С. Суходолов — соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

A. S. Sukhodolov — PhD student of the Department of Criminal Procedure and Criminology, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

УДК 343.537

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННУЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОБЗОР ДОКТРИНАЛЬНЫХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Алина Александровна ЧЕХОНИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, alinaguzieva@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблематика, связанная с применением ст.171 УК РФ, выявляется ряд наиболее крупных доктринальных проблем, обнаруженных исследователями ранее, описываются точки зрения на декриминализацию ст.171 УК РФ. Автор приходит к выводу о необходимости продолжать исследования норм об уголовной ответственности за незаконное предпринимательство, особое внимание при квалификации необходимо обращать на отграничение смежных составов преступлений.

Ключевые слова. уголовное право, незаконное предпринимательство, квалификация отдельных составов преступлений

CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL BUSINESS ACTIVITIES: AN OVERVIEW OF DOCTRINAL AND PRACTICAL PROBLEMS

Alina A. CHEKHONINA

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg,

alinaguzieva@gmail.com

Scientific adviser —Associate Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor, **A. V. ZARUBIN**, sarubin1@yandex.ru

Abstract. This article examines the problems associated with the application of Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation, identifies a number of the largest doctrinal problems discovered by researchers earlier, describes the points of view on the decriminalization of Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that it is necessary to continue research on the norms of criminal liability for illegal entrepreneurship, special attention should be paid to the delineation of related crimes when qualifying.

Keywords: criminal law, illegal entrepreneurship, qualification of certain types of crimes

Российская экономика за последние три десятилетия столкнулась с огромным количеством вызовов: от глобальных финансовых кризисов, до пандемии, и масштабных военных конфликтов, приведших к необходимости перевода отечественной экономики на необходимость мобилизации военно-промышленного сегмента экономики, и санкций, снизивших уровень конкуренции в целом ряде секторов экономики и производства. Все эти вызовы, с которыми сталкивается наша страна, экономика в целом, и предпринимательское сообщество, в частности, способны преодолеть еще эффективнее при наличии надлежащей, качественной нормативной базы в сфере правового регулирования предпринимательства.

Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года», в п. 1 пп. «д» устойчивая и динамичная экономика определяется как национальная цель развития.

Несмотря на то, что основная роль в правовом регулировании предпринимательской деятельности принадлежит регулятивному законодательству, уголовное законодательство обладает действенными правовыми инструментами охраны установленного порядка осуществления предпринимательской деятельности в тех случаях, когда иными способами невозможно предотвратить или прекратить нарушение действующего законодательства.

Федеральным законом № 79-ФЗ от 06.04.2024 были внесены изменения в ст. 171 УК РФ. Так, из абз. 1 ч.1 исключена формулировка «либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере» (также исключены пп. б ч. 2 с та-

кой же формулировкой), что привело к частичной декриминализации состава, так как теперь указывается на причинение ущерба, а не на объёмы доходов, как это было ранее. Если отталкиваться от признака извлечения дохода, как от одного из «базовых» элементов объективной стороны состава преступления (в случае ст. 171 УК РФ), то для лиц, в отношении которых ведется расследование уголовных дел, возбужденных до последних изменений в УК РФ, как нам представляется, было бы справедливым произвести оценку причиненного ими ущерба, в результате совершенных ими действий, а в случае если такового не имеется, прекратить производство по уголовному делу в связи с отсутствием состава преступления.

Отечественному уголовному праву пришлось столкнуться с явлениями, направленными на незаконное получение прибыли и предпринимательство достаточно давно. Историко-правовые исследования подтверждают, что изучаемая проблема не нова: законодательство в данной сфере, по свидетельству М. Н. Урда, начало формироваться еще в 1785 году, с принятия Жалованной Грамоты Городам [1, с. 8], хотя А.В. Бакаева утверждает, что первые нормы об уголовной ответственности за незаконное предпринимательство появились еще в Соборном Уложении 1649 года [2, с. 33—36], а М. А. Терещенков склоняется к выводу о том, что ответственность за незаконное предпринимательство стала формироваться только в конце девятнадцатого века [3, с. 9]. Столь значительный, неослабевающий интерес ученых указывает на актуальность и значимость вопросов уголовной ответственности за незаконное предпринимательство, с доктринальной точки зрения.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) содержит в себе ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», по которой квалифицируются уголовно-наказуемые деяния, выражающиеся в виде осуществления предпринимательской деятельности без лицензии или аккредитации, в тех случаях, когда она требуется.

Объектом посягательства выступают общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности [4, с. 7], дополнительным объектом выступают охрана интересов граждан и государства [4, с. 9].

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» предусматривается ряд разъяснений, связанных с объективной стороной состава преступления: так, в соответствии с п. 1 должна иметь место предпринимательская деятельность, по п. 3 и п. 4 должно быть заведомо известно о наличии нарушений при регистрации или выдаче лицензии, по п. 9 Пленума, даже если порядок регистрации или лицензирования не утвержден, действия лица могут быть квалифицированы по ст. 171 УК РФ¹.

Таким образом, в объективной стороне состава преступления существует признак предпринимательской деятельности, а норма ст. 171 УК РФ является бланкетной. П. С. Яни [5, с. 25—30] исследовал проблемы квалификации действий как незаконного предпринимательства и приходил к вы-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве». // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

воду, что наличие бланкетной нормы, отсылающей к норме ст. 2 Гражданского Кодекса Российской Федерации, порождает массу проблем при квалификации, так как правоприменитель не всегда верно определяет, что же следует считать предпринимательской деятельностью, а что нет. В более поздних публикациях, указание на проблему сохраняется [6, 42—47]. Данная проблема также актуальна и для других составов преступлений [7, с. 42—46].

На проблему «бланкетности» и оценочных признаков, но в масштабах всей главы 22 УК РФ, указывают так же В. И. Тюнин и Н. В. Родошнова [8]. Н. А. Лопашенко [9] в контексте изучения проблем правоприменения гл. 22 УК РФ, приходит к аналогичным выводам, добавляя, что необходимо вернуться к приоритету гражданско-правовой ответственности над уголовной в сфере экономических преступлений. Та же проблема относится и к ст. 171 УК РФ: бланкетная диспозиция порождает проблемы при квалификации деяния в качестве предпринимательской деятельности, подобные конструкции вызывают значительное неудобства в правоприменительной деятельности, в тех случаях, когда это возможно, их следует избегать или уменьшать степень «бланкетности».

Б. В. Волженкин указывал на значимость признака системности, подробно объясняя необходимость учета при квалификации данного «количественного критерия», так как, в противном случае, может иметь место ошибочная квалификация единичных сделок, в качестве незаконного предпринимательства [10, с. 184]. При этом, данный вопрос является дискуссионным, поскольку исходя из толкования предпринимательской деятельности как системной, в ряде случаев сделка может быть признана предпринимательской деятельностью в тех ситуациях, когда она сама по себе будет длительной, сложной, многоступенчатой.

Объективная сторона выражается в осуществлении предпринимательской деятельности при отсутствии лицензии, или аккредитации, необходимой в связи с требованиями, установленными Федеральным законом № 99-ФЗ от 04.05.2011 «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹ или неполучении аккредитации, необходимой для совершения предпринимательской деятельности (в случае, если это обязательно) и повлекло крупный ущерб.

Существует две наиболее крупные группы специалистов: одни полагают, что уголовная ответственность за незаконное предпринимательство необходима (в связи с чем предлагается масса изменений и дополнений в уголовный закон) и ее даже нужно ужесточать (например, А. А. Долганов, А. В. Шульга, О. В. Нежинец) [11, с. 29—33], кроме того, автор предлагал включить в УК РФ отдельную норму о занятии запрещёнными видами предпринимательства. О. А. Авдеева в своей диссертации, по нашему мнению, приходит к весьма интересному выводу о необходимости разделить ст. 171 УК РФ на два состава, один из которых предусматривает деятельность без регистрации, а другой деятельность без лицензирования, при этом определять субъект, как специальный, то есть вместо общего субъекта (16 лет) предложено определить как субъект лицо достигшее 18 лет, занимающееся

¹ Федеральный закон от 04.05.2011 №99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности».
// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предпринимательской деятельностью [12, с. 8]. В.Н. Лубешко отметил необходимость специального субъекта при квалификации (так же с 18 лет) помимо этого, предлагается в объективную сторону включить факт осуществления деятельности с просроченной лицензией [13, с. 7]. Ранее в доктрине отмечались проблемы, связанные с определением субъекта преступления, в частности, учредителей и участников обществ, на что, в целом, предполагается отвечать положительно при условии того, что доход от деятельности, которая не зарегистрирована, поступает лично руководителю юридического лица [14, с. 7].

М. Н. Урда указывает на необходимость ограничения неосторожных форм незаконного предпринимательства, посредством квалификации данных деяний по законодательству об административных правонарушениях [1, с. 9]. Тем же автором, однако, в монографии указывается на необходимость введения административной прелюдии ст. 14.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) и критериев, позволяющих отграничить правонарушение от преступления, в части исследуемой статьи [15, с. 86].

Специалистов, отстаивающих позицию о необходимости декриминализации ст. 171 УК РФ достаточно много, руководствуются они целым рядом достаточно существенных аргументов. Так, Ю. Д. Умнова выдвигает аргументацию обоснованности отказа от данной нормы, с точки зрения криминологии, конституционного и административного права [16].

Я. Е. Иванова так же указывает на нарушение принципов общественной опасности криминализуемого деяния, системно-правовой непротиворечивости, положительных социальных результатов криминализации над ее социальными последствиями, противоречие данной нормы Конституции Российской Федерации, общественной опасности и полноты криминализуемого деяния, избыточности, экономии уголовной репрессии, относительной распространности и что данная норма не имеет должного объекта уголовно-правовой охраны [17, с. 8—14]. И.А. Ефименко не отрицает необходимость существования ст. 171 УК РФ, однако, доказывает, что ст. 172 УК РФ о незаконной банковской деятельности нецелесообразна, а норма ст. 171 УК РФ требует изъятия указания на нарушение порядка лицензирования, так как это нарушение не предпринимателя, а должностного лица [18, с. 7—9]. Положительно к вопросу декриминализации относится так же и Н. А. Лопашенко (особенно в контексте разграничения квалификации по ст. 285 и 170 УК РФ), изучая гл. 22 УК РФ приходит к весьма неутешительным выводам об избыточной криминализации экономической деятельности [19, с. 27—35]. Дело в том, что диспозиция ст. 171 УК РФ так же имеет бланкетный характер и правоприменителю сложно квалифицировать действия, в качестве незаконного предпринимательства, в связи с чем данная проблема и оценивается нами, как весьма актуальная.

В поддержку данной позиции косвенно свидетельствует и анализ зарубежного уголовного законодательства: Т. Д. Устинова пришла в своей статье к выводу о том, что в США и ряде европейских стран не предусматривалось специализированных норм об уголовном наказании за незаконную предпринимательскую деятельность [20, с. 65]. Резюмирует свое исследование автор вполне ожидаемым выводом о необоснованности и избыточности нормы

ст. 171 УК РФ [20, с. 78]. Мы же полагаем, что основываться на зарубежном опыте, как основании для отказа в криминализации или декриминализации ст. 171 УК РФ нужно со значительной осторожностью и учитывать опыт других стран только в совокупности с историко-правовым анализом развития норм об уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность в отечественном законодательстве.

Отдельная проблема — отграничение ст. 171 УК РФ и дополнительная квалификация преступлений в сфере предпринимательской деятельности: А. А. Лихолетов рассматривает проблемы отграничения ст. 171 УК РФ от целого ряда статей Уголовного кодекса, в частности, ст. 171.1, 171.3, 172, 180, 181, 235, 238, а также проблемы дополнительной квалификации по ст. 180 и 327.1 УК РФ, указывая на возможность и риски ошибочной квалификации деятельности, предусмотренной ст. 171 УК РФ по иным статьям УК РФ [21, с. 45]. А. М. Кислицина изучая проблемы отграничения и дополнительной квалификации деяний по ст. 171 УК РФ, к вышеизложенному перечню добавляла ст. 143, 146, 159, 198—199, 215—219 УК РФ [22]. На наш взгляд, позиция, выраженная А. А. Лихолетовым представляется нам более обоснованной, так как составы преступлений, предусмотренные ст. 143, 146, 215—219 УК РФ, по нашему мнению, сложно ошибочно квалифицировать, в качестве незаконной предпринимательской деятельности, данные деяния должны подлежать самостоятельной квалификации.

Из приведенного выше анализа существующих научных работ можно сделать вывод, что, несмотря на значительное количество исследований, ст. 171 УК РФ, сохраняется значительное количество спорных, в том числе имеющих фундаментальное значение (для существования с. 171 УК РФ, как таковой), противоречий, как теоретического, так и практического характера.

До настоящего времени не разрешен целый ряд проблем, охватывающих квалификацию смежных деяний, а дополнительную сложность составляют периодически возникающие предложения о введении уголовной ответственности юридических лиц.

Все это дает основания полагать, что исследования проблематики уголовной ответственности за незаконное предпринимательство далеки от своего завершения.

Список источников

1. Урда М. Н. Проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконно предпринимательство. / Автореф... дисс. канд. юрид. наук / Урда Маргарита Николаевна. Москва. 2010. 27 с.

2. Бакаева А. В. История развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за незаконное предпринимательство. // COLLOQUIUM-JOURNAL. №28. 2022. С.33-36.

3. Терещенков М. А. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство по законодательству РФ. / Автореф... дисс. канд. юрид. наук / Терещенков Михаил Алкеевич. Москва. 2006. 21 с.

4. Силаев А. В. Проблемы уголовной ответственности за незаконное предпринимательство (по материалам УрФО). / Автореф... дисс. канд. юрид. наук / Силаев Алексеев Викторovich. Москва. 2010. 29 с.

5. Яни П. С. Цивилистический анализ при установлении признаков незаконного предпринимательства. // *Цивилист*. №4. 2009. С.25—30.
6. Яни П. С. Связь преступления с предпринимательской деятельностью. // *Законность*. № 11. 2019. С.42—47.
7. Яни П. С. Вопросы квалификации незаконного участия в предпринимательской деятельности. // *Законность*. №9. 2021. С.42—46.
8. Тюнин В. И. Радошнова Н. В. Эффективность практического применения уголовно-правового запрета в сфере экономики в Российской Федерации. // *Вестник Санкт-петербургского Университета МВД России*. №4. 2019. С. 119—123.
9. Лопашенко Н. А. Уголовно-правовая охрана экономики в России: реалии, тенденции последних лет. // *Ученые записки юридического факультета*. №1. 2022. С. 49—55.
10. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. / Москва. Юридический центр пресс, 2007. С.184.
11. Долганов А. А., Шульга А. В., Нежинец О. В. О некоторых проблемах уголовной и административной ответственности за незаконное предпринимательство в сфере торговли. // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2019. №3. С. 29—33.
12. Авдеева О. А. Незаконное предпринимательство: уголовно-правовая характеристика и ответственность. / Автореф... дисс. канд. юрид. наук / Иркутск, 2009. 21 с.
13. Лубешко В. Н. Незаконное предпринимательство как вид преступного посягательства против установленного порядка экономической деятельности (уголовно-правовой и криминологический аспекты) / Автореф... дисс. канд. юрид. наук / Лубешко Валерий Николаевич. Ростов-на-Дону, 2004. 27 с.
14. Яни П. С. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство / Москва. 2001. 44 с.
15. Урда М. Н. Проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное предпринимательство: монография. / Под науч. Ред. доктора юридических наук, проф. Т. Г. Понятовской. – Москва Юрлитинформ, 2012. 173 с.
16. Умнова Ю. Д. Материальное содержание оснований ответственности за незаконное предпринимательство: уголовно-правовой и криминологический аспект. / Автореф... дисс. канд. юрид. наук / Умнова Юлия Владимировна. Москва, 2012. 26 с.
17. Иванова Я. Е. Незаконное предпринимательство: вопросы теории и проблемы право применения. / Автореф... дисс. канд. юрид. наук / Иванова Яна Евгеньевна / Москва. 2010. 36 с.
18. Ефименко И. А. Незаконное предпринимательство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика (на материалах Уральского Федерального округа). / Автореф... дисс. канд. юрид. наук / Ефименко Иван Андреевич. Челябинск. 2006. 24 с.
19. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона. // *Законы России: опыт, анализ, практика*. № 2. 2018. С.27—35.

20. Устинова Т. Д. Уголовная ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность. / М.: ЗАО «Бизнес школа «Интел-Синтез», 2001. 120 с.

21. Лихолетов А. А. Квалификация незаконного предпринимательства. / Волгоград. ВА МВД России, 2019. 100 с.

22. Кислицина А. М. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство. / Иваново. Иван. гос. ун-т, 2011. 168 с.

Информация об авторе

А. А. Чехонина — аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about author

A. A. Chekhoniina — Postgraduate student of the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation.

УДК 343.337.4

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ ВОЕННОЙ ЧАСТИ

Маргарита Андреевна ШАБАЛИНА

Санкт-Петербургского юридического институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, luckspb78@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**, roman888rus@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается общественная опасность самовольного оставления военнослужащими военной части или места службы в условиях мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, в том числе при проведении специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей. На основании исследования научной литературы, правоприменительной практики автором определяются предпосылки совершения анализируемой категории преступлений и приводятся доводы относительно социальной обусловленности введения уголовной ответственности за самовольное оставление военной части или места службы в особый период.

Ключевые слова: социальная обусловленность; уголовная ответственность и наказание военнослужащих; уголовно-нормативное предписание; воинские преступления; общеуголовные преступления; процесс; стадии; криминализация

THE SOCIAL CONDITIONALITY OF THE CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR UNAUTHORIZED ABANDONMENT OF THE MILITARY UNIT

MARGARITA A. SHABALINA

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of Russian, St. Petersburg,

luckspb78@gmail.com

Scientific adviser — associate Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal-Executive Law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of Russian Federation, Ph.D. of Juridical Sciences, docent **Roman M. KRAVCHENKO**, roman888rus@rambler.ru

Abstract. The article examines the public danger of unauthorized abandonment by military personnel of a military unit or place of service in conditions of mobilization or martial law, in wartime or in conditions of armed conflict or warfare, including during a special military operation in the territories of Ukraine, Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Zaporizhia and Kherson regions. Based on the research of scientific literature and law enforcement practice, the author examines the prerequisites for the commission of the analyzed category of crimes and provides arguments regarding the social conditionality of the introduction of criminal liability for unauthorized abandonment of a military unit or place of service during a special period.

Keywords: social conditionality; criminal liability and punishment of military personnel; criminal regulations; military crimes; ordinary crimes; process; stages; criminalization

Охрана конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества является одной из задач уголовного закона, перечисленных в статье 2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Полагаем, указанная задача имеет первоочередное значение, является приоритетной, поскольку от обеспечения неприкосновенности конституционного строя государства, обеспечения мира и безопасности человечества зависит фундамент для обеспечения прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды и противодействия преступности внутри страны.

Обеспечение национальной безопасности является одним из важнейших приоритетов каждого государства. Стойкость и стабильность страны во многом определяется способностью защитить свои границы и граждан от

внешних и внутренних угроз. Для обеспечения безопасного функционирования государства необходимо наличие совокупности обязательных элементов, без которых достижение удовлетворения потребности в безопасности и нормальном развитии государства не представляется возможным. К таким элементам, на наш взгляд, относятся экономическая стабильность как основа независимости и самодостаточности, дипломатическая активность, способствующая установлению альянсов и противодействию изоляции, внутренняя безопасность, назначением которой является противостояние шпионажу, терроризму и преступности. Таким образом, основным элементом, без наличия которого невозможно обеспечение безопасности государства, является наличие военной безопасности, которая определяется состоянием защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой её применения, характеризующее отсутствие военной угрозы либо способностью ей противостоять¹.

Отметим, что уровень военной безопасности, защищенности нашего государства от воздействия недружественных стран напрямую зависит от готовности Вооруженных сил Российской Федерации. Защита Отечества является конституционным долгом гражданина и выражается в форме прохождения военной службы в добровольном порядке (по контракту) и по призыву, прохождения военных сборов в период пребывания в запасе в мирное время, а также прохождения военной службы в период мобилизации, военного положения и в военное время.

По справедливому мнению представителей научного сообщества, для эффективного функционирования вооруженных сил страны необходима действенная система предупреждения и пресечения военных преступлений и соответствующего наказания при их совершении [1, с. 69—74; 2, с. 276].

Пленум Верховного суда в своем постановлении № 11 от 18.05.2023 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» указал, что преступления против военной службы, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (далее — особые периоды), характеризуются повышенной общественной опасностью.

Аналогичной позиция высказана Е. А. Бодровой, согласно которой преступления, совершаемые военнослужащими срочной и контрактной службы, несут в себе повышенную общественную опасность из-за посягательства на военную безопасность государства, а также наносят вред обороноспособности страны. С точки зрения ученого, особую опасность представляют преступные действия военнослужащих по контракту, поскольку они несут особый порядок службы и выполняют военные обязанности согласно занимаемым должностям в войсковых частях или организациях [3, с. 7—10].

Особенную значимость этот вопрос обретает в контексте современных вызовов, а именно в связи с началом проведения специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской

¹Военная доктрина Российской Федерации /<http://www.kremlin.ru/supplement/461> (дата обращения: 24.04.2024).

Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей и изданием Президентом Российской Федерации Указа от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации».

Незадолго до начала проведения специальной военной операции наиболее распространенным преступлением против военной службы являлось уклонение от призыва на военную службу. В настоящее время значительно увеличилось количество преступлений за самовольное оставление части или места службы. Необходимо отметить, что проведение специальной военной операции является новым явлением для Российской Федерации. Военнослужащие, находящиеся при выполнении боевых задач, ежедневно сталкиваются с особыми сложно преодолимыми трудностями. В связи с этим основными причинами оставления военной части или места несения военной службы являются:

— дезорганизационная роль страха в условиях боевых действий. Дезорганизация, как и отклоняющееся поведение под воздействием страха с неизбежностью присуща военнослужащим при участии в боевых действиях.

— «фейковые» атаки со стороны недружественных государств, подрывающие авторитет Вооруженных Сил Российской Федерации;

— отсутствие практико-ориентированных методик, направленных на оказание воздействия на участников боевых действий в целях мобилизации их психологических ресурсов.

Как показывает правоприменительная практика, действия виновных подлежат квалификации по частям 2.1, 3.1 и 5 статьи 337 УК РФ. По смыслу диспозиции норм закона уголовная ответственность предусмотрена за самовольное оставление части или места службы в период мобилизации либо в условиях вооруженного конфликта и ведения боевых действий. Положения вышеперечисленных норм законодательства введены в действие только 24.09.2022. Несмотря на короткий срок применения данных норм закона, число военнослужащих, обеспечивающих выполнения задач в ходе СВО на территориях Украины, ДНР и ЛНР и привлеченных к уголовной ответственности по ч.ч. 2.1, 3.1 и 5 ст. 337 УК РФ неустанно растет¹.

Соглашаясь с выводами, содержащимися в актах официального толкования права, а также мнением представителем научного сообщества о высокой общественной опасности действий военнослужащих, выражающихся в самовольном оставлении военной части или места службы, полагаем необходимым детально проанализировать элементы общественной опасности как признака преступления, обуславливающие необходимость установления уголовной ответственности как способ защиты общественных интересов.

На наш взгляд, характер общественной опасности самовольного оставления части и места службы военнослужащим в период мобилизации либо в условиях вооруженного конфликта и ведения боевых действий заключается в том, что данное деяние направлено на дестабилизацию деятельности ВС РФ именно в тот момент, когда сплоченная и слаженная работа внутри воинского формирования является залогом успеха проведения боевых дей-

¹ Генпрокуратура зафиксировала двукратный рост преступлений против военной службы. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/01/25/genprokuratura-zafiksirovala-dvukratnyyrost-prestupleniy-protiv-voennoy-sluzhby.html>. (дата обращения 24.04.2024).

ствий. Прослеживается прямая причинно-следственная связь между самовольным оставлением военнослужащими военной части или места несения военной службы с наступлением таких негативных последствий, как снижение боевой готовности и боевой способности ВС РФ, нарушение суверенитета государства и жизнедеятельности гражданского общества. От стабильного функционирования Российской армии зависит безопасность жизни и здоровья мирного населения, безопасность собственности, экологическая безопасность.

На степень общественной опасности самовольного оставления военной части или места службы необходимо указывает длительность отсутствия военнослужащего. Именно длительность отсутствия в месте несения военной службы выступает криминообразующим признаком, позволяющим прийти к выводу о наличии оснований для криминализации деяния, а при наличии сконструированного состава преступления позволяет дать верную уголовно-правовую квалификацию действиям субъекта преступления, учитывая наличие квалифицирующих признаков и альтернативных составов преступлений.

Так, 23.10.2023 Нальчикский гарнизонный военный суд Р. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 31 ст. 337 УК РФ и ч. 5 ст. 337 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела подсудимый самовольно покинул место несения военной службы и отсутствовал более 8 месяцев. При назначении наказания за каждое из совершенных преступлений суд справедливо принял во внимание фактические обстоятельства дела, связанные с периодами уклонения Р. от военной службы, составившими в общей сложности более 8 месяцев и посчитал, что столь длительной период самовольного уклонения отрицательно повлиял на выполнение повседневных задач боевой подготовки, поставленных перед воинским подразделением¹.

Также Иркутским гарнизонным судом рассмотрено уголовное дело по обвинению К. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 337 и ч. 3.1 ст. 337 УК РФ. Согласно обстоятельствам совершенного преступления, К., по распоряжению командования воинской части было предоставлено увольнение с 27.12.2022 по 03.01.2023 и в этот же день он убыл к месту своего жительства. Вместе с тем, по приказу командования 01.01.2023 К. отозван из увольнения для дальнейшего прохождения службы. Однако, с целью временного уклонения от исполнения обязанностей военной службы, в период мобилизации, без уважительных причин К. не явился из увольнения на службу, а остался проживать по месту своего жительства, проводя время по своему усмотрению. Поскольку проходящий военную службу по контракту К. в период мобилизации, без уважительных причин, в период с 2 января по 15 февраля 2023 года самовольно отсутствовал в воинской части, эти его действия квалифицированы по ч. 5 ст. 337 УК РФ. Кроме того, поскольку проходящий военную службу по контракту К. в период мобилизации, без уважительных причин, в период с 18 марта по 10 апреля 2023 года, самовольно отсутствовал в воинской части, эти его действия и квалифицированы

¹ Приговор № 1-81/2023 от 25 октября 2023 г. по делу № 1-81/2023. Архив Нальчикского гарнизонного военного суда Кабардино-Балкарской Республики.

по ч. 3.1 ст. 337 УК РФ. По результатам рассмотрения уголовного дела в отношении К. вынесен обвинительный приговор¹.

Анализируя данное судебное решение, приходим к выводу, что К., будучи назначенный на воинскую должность и зачисленный в списки личного состава воинской части, участвуя в специальной военной операции по денацификации и демилитаризации недружественного государства, подрывая авторитет Российской Армии, руководящего состава, самовольно неоднократно уклонялся от дальнейшего прохождения военной службы вопреки приказу. На наш взгляд, общественная опасность преступных действий К. заключается в воздействии на личный состав воинской части негативным примером игнорирования воинской дисциплины, халатного отношения к службе, возможностью беспрепятственного уклонения от ее дальнейшего прохождения, прекращение выполнения боевой задачи, что в условиях осуществления боевых действий является недопустимым и влечет возможность наступления тяжких последствий, выразившихся в массовом совершении анализируемых преступлений военнослужащими. Таким образом, самовольное оставление военной части подрывает основы воинской дисциплины и служит основанием к возникновению негативной прецедентности подобного поведения [4, с. 229].

Резюмируя изложенное, приходим к вводу, что преступное поведение военнослужащих, заключающееся в самовольном оставлении военной части и места службы, влечет за собой тяжкие последствия в виде возникновения военной угрозы и неспособности Российской Федерации ей противостоять. Криминализация деяний, заключающихся в оставлении военнослужащими части или места службы в условиях мобилизации, военного положения и ведения боевых действий, с учетом наличия спектра существующих угроз, а также потребности общества и государства в обеспечении безопасности, явилась объективно необходимой. Преступления против военной службы порождают серьезные негативные последствия, причиняют вред военной безопасности Российской Федерации, обороноспособности страны или создают угрозы его причинения, способствуют снижению боевой готовности и боевой способности Вооруженных Сил Российской Федерации противостоять атаке недружественных стран.

Установление уголовной ответственности за самовольное оставление военной части или места службы в период мобилизации либо в условиях вооруженного конфликта и ведения боевых действий, а в настоящее время при проведении специальной военной операции, должны способствовать сохранению и укреплению правопорядка в стране и на освобождаемых территориях, повышению воинской дисциплины и ответственности военнослужащих.

Список источников

1. Суденко В. Е. Объект преступлений против военной службы // Право в Вооруженных Силах. — 2015. № 11. С. 69—74.

¹ Приговор № 1-87/2023 от 30 октября 2023 г. по делу № 1-87/2023. Архив Иркутского гарнизонного военного суда.

2. Степанов П. П. Современные военные преступления: их причины и меры противодействия: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Степанов Павел Павлович. Москва, 2017. 276 с.

3. Бодрова Е. А. Вопросы объективной стороны самовольного оставления части или места службы / Е. А. Бодрова // Глаголь правосудия. 2022. № 2 (28). С. 7—10.

4. Фефелов П. А. Механизм уголовно-правовой охраны: Основные методологические проблемы / П. А. Фефелов. М.: Наука, 1992. 230 с.

Информация об авторе

М. А. Шабалина — аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия.

Information about author

M. A. Shabalina — postgraduate student of St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of Russian Federation, Saint-Petersburg, Russian Federation.

УДК 343.163

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН, ПОДАННЫХ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКЕ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Денис Андреевич ШЕСТАВИН

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, dschestavin18@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Евгений Львович НИКИТИН**, nikitin.el@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей рассмотрения обращений граждан, поданных на иностранном языке и языке народов Российской Федерации. В работе исследована проблематика рассмотрения и разрешения обращений, поступивших в органы публичной власти на не государственном языке. Автором выявлена необходимость внесения изменений в нормативные правовые акты. Предложены пути совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: обращение, прокуратура, язык народов Российской Федерации, иностранцы

FEATURES OF PROSECUTORIAL ACTIVITY TO ENSURE THE LEGALITY OF CONSIDERATION OF CITIZENS' APPLICATIONS SUBMITTED IN A FOREIGN LANGUAGE AND THE LANGUAGE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Denis Andreevich SHESTAVIN

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, dschestavin18@yandex.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in the consideration of criminal, civil and Arbitration cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **E. L. NIKITIN**, nikitin.el@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the peculiarities of consideration of citizens' appeals submitted in a foreign language and the language of the peoples of the Russian Federation. The paper examines the problems of consideration and resolution of appeals received by public authorities in a non-state language. The author has identified the need to make changes to regulatory legal acts. The ways of improving the current legislation are proposed.

Keywords: appeal, prosecutor's office, language of the peoples of the Russian Federation, foreigners

Правовая возможность обратиться в органы публичной власти с заявлением является неотъемлемым принципом демократического государства. Так, заявитель вступает в прямой диалог с государственными органами и органами местного самоуправления, что позволяет ему реализовывать ряд прав, предусмотренных действующим законодательством.

Статьей 33 Конституции Российской Федерации за гражданами Российской Федерации закреплено право на обращение в органы публичной власти. В соответствии с частью 3 статьи 62 Основного закона иностранцы и апатриды наравне с гражданами Российской Федерации наделены соответствующими правами и обязанностями. Частью 3 статьи 1 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» предусмотрено, что на общественные отношения, возникающие при рассмотрении заявлений иностранцев и апатридов, распространяется порядок рассмотрения, установленный данным Законом.

Следует отметить, что согласно статистическим данным за 2023 год органами внутренних дел по вопросам миграции предоставлено 62,9 миллионов государственных услуг. Также отмечается рост количества иностранцев, прибывающих в Российскую Федерацию в визовом порядке для осуществления трудовой деятельности¹.

¹ Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542/> (дата обращения: 12.05.2024).

Нельзя не согласиться с позицией М. А. Добыш, которая полагает, что одним из ключевых способов, позволяющих правоохранительным органам получить необходимые сведения о нарушении прав иностранцев, могут быть обращения последних в прокуратуру [1, с. 66].

Вместе с тем, несмотря на то, что система действующего законодательства имеет обширную нормативную правовую базу в указанной сфере, из-за языкового барьера полноценная реализация права иностранцев и апатридов на обращение в органы публичной власти бывает затруднена, в связи с чем, имеется ряд проблемных вопросов как теоретического, так и практического характера, которые мы считаем необходимым рассмотреть в данной работе.

Так, в настоящее время одним из проблемных вопросов остается вопрос рассмотрения и разрешения органами прокуратуры обращений граждан, поданных на иностранном языке и языке народов Российской Федерации.

Следует отметить, что частью 1 статьи 68 Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации государственным языком является русский язык. Также в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 3 Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» в деятельности органов публичной власти используется государственный язык. Вместе с тем, частью 4 статьи 15 Закона Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» предусмотрено право граждан обращаться в государственные органы, на государственном языке Российской Федерации, родном языке или на любом другом языке народов Российской Федерации, которым они владеют¹.

Однако, в специализированном законе, регулирующем порядок рассмотрения обращений граждан, вопросы относительно использования государственного языка или другого языка народов Российской Федерации для обращения в органы публичной власти не урегулированы. Так, в статье 7 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ, содержащей правила оформления письменного обращения, какие-либо требования, предъявляемые к языку обращения, законодателем не установлены. Также в статье 11 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ обращения граждан, поданные на иностранном языке и языке народов Российской Федерации, к категории отдельных обращений не отнесены².

В связи с чем, складывается неоднородная правоприменительная практика при рассмотрении обращений граждан на иностранном языке и языке народов Российской Федерации.

Так, например, 23 июня 2020 года и 02 июля 2020 года иностранный гражданин обратился в прокуратуру г. Оренбурга с заявлениями на иностранном языке без приложения перевода на русский язык. В установленный законом срок должностными лицами органов прокуратуры заявителю

¹ О языках народов Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1, в редакции от 13.06.2023г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ, в редакции от 04.08.2023г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

были даны ответы, содержащие разъяснения на русском языке. Не согласившись с ответами и полагая, что его права нарушены, иностранный гражданин обратился в суд с административным иском к прокуратуре г. Оренбурга об оспаривании действий работников ведомства.

Решением судьи Ленинского районного суда г. Оренбурга в удовлетворении административного искового заявления иностранцу отказано. В своём решении правоприменитель сослался на положения пунктов 1 и 6 части 1 статьи 3 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», согласно которым органы публичной власти обязаны использовать государственный язык Российской Федерации в своей деятельности и взаимоотношениях, а также отметил, что Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ не содержит регламентацию порядка рассмотрения обращений, поданных не на государственном языке¹.

С другой стороны, практические работники надзорного ведомства отмечают, что направление обращений в органы прокуратуры на языке народов Российской Федерации широко распространено. Так, например, заявления, поданные на государственном языке Республики Якутия, по общим правилам разрешаются должностными лицами ведомства [2, с. 40].

В связи с изложенным для преодоления проблем, возникающих на практике, считаем необходимым дополнить статью 7 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» частью 1.1, согласно которой содержание обращения должно быть изложено на государственном языке Российской Федерации, родном языке или на любом другом языке народов Российской Федерации, которым владеет гражданин. К подготовленным на иностранных языках обращениям должен быть приложен перевод на русский язык.

Интересным представляется следующий проблемный вопрос, связанный с выбором языка, на котором должен быть направлен ответ заявителю.

Так, заявитель обратился в УФСИН России по Брянской области на иностранном языке, ответ им был получен на русском языке. Не согласившись с ответом и полагая, что его права нарушены, иностранный гражданин обратился в суд с административным иском к ведомству об оспаривании действий должностных лиц.

Решением судьи Советского районного суда города Брянска в удовлетворении административного искового заявления иностранцу отказано. В своём решении правоприменитель сослался на положения части 5 статьи 12 УИК РФ, согласно которым в случаях невозможности дать ответ на языке обращения заявителю даётся ответ на государственном языке с переводом на язык обращения, который обеспечивается органами, исполняющими наказание. Вместе с тем, судом было установлено, что в штатном расписании ведомства не имеется должности переводчика с иностранного языка на русский. В связи с чем, правоприменитель пришёл к выводу, что перевод должен обеспечиваться учреждением, исполняющим наказание, в котором

¹ Решение Ленинского районного суда города Оренбург от 27 ноября 2020 года по делу № 2а-6842/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QHP1XiquoYLT/?regular-txt=®ular-case_doc=%E2%84%96+2%D0%B0-6842%2F2020®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1045®ular-court=®ular-judge=%D0%9F%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0&_ =1715511908774 (дата обращения: 12.05.2024).

содержится заявитель. УФСИН России по Брянской области рассмотрело обращение надлежащим образом, нарушений прав и законных интересов при даче ответа заявителю установлено не было¹.

Также, практические работники надзорного ведомства отмечают, что на поступающие на языке народов Российской Федерации обращения, даётся ответ на языке обращения [2, с. 40].

Однако, в статье 10 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ, регулирующей порядок рассмотрения обращений граждан, вопросы относительно использования государственного языка или другого языка народов Российской Федерации для дачи ответа заявителям не урегулированы.

В связи с изложенным для преодоления проблем, возникающих на практике, считаем необходимым дополнить статью 10 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» частью 3.1, согласно которой ответ на обращение дается на языке обращения. При наличии объективных причин, не позволяющих должностным лицам дать ответ на языке обращения, используется государственный язык Российской Федерации.

Таким образом, подводя итог всего ранее сказанного, нельзя не отметить положительные моменты в деятельности органов прокуратуры по обеспечению законности рассмотрения обращений граждан, поданных на иностранном языке и языке народов Российской Федерации. Вместе с тем, для преодоления проблем прикладного характера необходимо внесение изменений в действующее законодательство.

Список источников

1. Добыш М. А., Защита прав участников миграционных правоотношений // Законность. 2011. № 2. С. 64—66.

2. Ядреев И. В., Использование государственных языков субъектов Федерации в деятельности органов прокуратуры // Законность. 2019. № 8. С. 38—41.

Информация об авторе

Д. А. Шеставин — аспирант кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

D. A. Shestavin — Postgraduate student at the Department of Prosecutorial Supervision and Prosecutor's Participation in Criminal, Civil and Arbitration Cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

¹ Решение Советского районного суд города Брянск от 11 сентября 2023 года по делу № 2а-4208/2023 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/CK1MGL6v8r58/?regular-txt=%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%82+%D0%BD%D0%B0+%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B5+%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-work-flow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&=1715414589890&snippet_pos=264#snippet (дата обращения: 12.05.2024).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ

Виктория Львовна ШУЛЬЦ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, 9226587568@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Наталья Алексеевна ДАНИЛОВА**, bobteyl@mail.ru

Аннотация. В статье приведены возможные варианты порядка представления доказательств в ходе судебного следствия по уголовным делам, а также некоторые особенности тактики государственного обвинителя в судебном следствии.

Ключевые слова: судебное следствие, государственный обвинитель, порядок исследования доказательств, доказывание, незаконная рубка, допрос

SOME FEATURES OF THE PARTICIPATION OF THE PUBLIC PROSECUTOR IN THE JUDICIAL INVESTIGATION

Victoria L. SCHULTZ

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg,
9226587568@mail.ru

Scientific supervisor Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor **N. A. DANILOVA**, bobteyl@mail.ru

Abstract: The article presents possible options for the procedure for presenting evidence during a judicial investigation in criminal cases, as well as some features of the tactics of the public prosecutor in a judicial investigation.

Keywords: judicial investigation, public prosecutor, procedure for examining evidence, proving, illegal logging, interrogation.

Учеными и практикующими юристами неоднократно отмечалась важность логической последовательности представления доказательств в ходе судебного следствия по уголовным делам. Как отмечал В. И. Басков, нередко успех судебного следствия и судебного разбирательства во многом зависит от правильности предложенного прокурором порядка исследования доказа-

тельств. Последний должен быть таким, чтобы в строгой последовательности и наиболее полно были выяснены все обстоятельства рассматриваемого дела [1, с. 100].

Предложения о порядке исследования доказательств законом не регламентированы и, по сути, являются ничем иным, как составной частью тактики поддержания государственного обвинения, которая оказывает существенное влияние на весь ход судебного следствия.

В этой связи следует отметить, что, как таковой, процесс доказывания представляет собой урегулированную уголовно-процессуальным законом мыслительную и практическую деятельность по сбору, проверке и оценке доказательств. В свою очередь, на государственного обвинителя возложена обязанность убедить суд в достоверности собранных в ходе предварительного расследования доказательств и правильности сделанных на их основе выводов.

Процесс доказывания должен быть подчинен законам логики, иметь свою структуру, связь между элементами доказательственной базы — представляемыми суду доказательствами, с целью представления наиболее полной и объективной картины совершенного преступления. Заблаговременно продуманный порядок исследования доказательств позволяет рационально провести судебное следствие, восполнить пробелы предварительного следствия, обеспечить выяснение всех существенных обстоятельств противоправного деяния.

Н. В. Мариинская отметила, что необходимо представлять наиболее убедительные, информативные и наглядные доказательства в начале и в конце судебного следствия, не перегружая доказательственную базу ненужной информацией [2, с. 23].

Подобный способ предоставления доказательств является удачным, однако на практике применяется не во всех случаях. Так, при рассмотрении дела Онежским городским судом Архангельской области по обвинению двух лиц в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260, ч. 1 ст. 222 УК РФ, в судебном заседании исследованы доказательства, не имеющие отношения к делу, которые суд в приговоре не отразил. В основу обвинительного приговора положены такие доказательства, как показания обвиняемых, представителя потерпевшего, свидетелей, протоколы осмотра места происшествия, обыска, осмотра предметов и документов, акты осмотра участка местности, о лесонарушении, справка о расчете ущерба от незаконной рубки. Показания подсудимых о непризнании вины судом опровергнуты и расценены как способ защиты, поскольку они опровергаются материалами уголовного дела, в том числе их признательными показаниями, данными в ходе предварительного расследования¹.

Другой пример. Кыринский районный суд признал виновным Ф. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ. Избранная государственным обвинителем тактика представления собранных по уголовному делу доказательств соответствует рекомендации, приведенной Н. В. Мариинской. Судебное следствие началось с допроса подсудимого, который имеет право давать показания в любой момент судебного следствия.

¹ Приговор № 1-105/2023 от 30 октября 2023 г. по делу № 1-105/2023 // Офиц. Сайт. Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 17.05.2024).

Подсудимый не признал вину в части количества срубленных деревьев, их качества, породы, возраста, напрямую влияющих на размер причиненного ущерба. Размер ущерба подтверждался совокупностью других доказательств, в том числе показаниями свидетелей, заключением и показаниями эксперта, протоколом осмотра места происшествия, которые явилась достаточными для подтверждения виновности подсудимого, в том числе для достоверного установления причиненного ущерба¹.

Аналогичная тактика представления доказательств применена государственным обвинителем по уголовному делу, рассмотренному Туймазинским межрайонным судом Республики Башкортостан². При этом, в обоих случаях государственным обвинителем акцентировано внимание суда на протоколах осмотра мест происшествий и показаниях свидетелей.

Допрос, как свидетельствует практика, является наиболее распространенным судебным действием, тактикой которого государственный обвинитель должен владеть.

Е. О. Моисеенко рассматривает возможность применения такого приема допроса, как когнитивное интервью³. Допрашиваемые в суде лица, в связи с давностью событий чаще всего не помнят подробных обстоятельств совершения преступлений и мелких деталей. В. А. Образцов и С. Н. Богомолов анализируя исследования в области психологии сделали вывод о безграничных возможностях человеческой памяти, а также о том, что в ее архивах хранится все, что воспринимает человек с момента своего рождения. Когнитивное интервью — метод получения информации, заключающийся в использовании определенных психологических приемов, активизирующих различные слои памяти допрашиваемого лица, позволяющий вспомнить важные для дела факты [3, с. 234].

В. Г. Ульянов, формулируя понятие тактики судебного следствия, отметил, что она является частью криминалистической тактики, содержащей в себе систему научных положений криминалистики, психологии, логики и иных наук [4, с. 113].

Принимая во внимание позицию Е. О. Моисеенко и В. Г. Ульянова, полагаем, что государственный обвинитель должен иметь знания также и в области психологии, что на практике встречается довольно редко.

Как верно отметила Н. А. Данилова, эффективность допроса во многом зависит от тщательности подготовки к его проведению, которая включает в себя анализ материалов уголовного дела, соответствующих нормативных актов, определение предмета допроса, круга очередности вопросов, подлежащих выяснению [5, с. 155]. Подобная подготовка обязательна не только для следователя, но и для государственного обвинителя. Допрашиваемое лицо к моменту судебного заседания, как отмечено ранее, может не вспомнить своих показаний, данных в ходе предварительного расследования, и обстоятельств преступления, в связи с чем допрос в суде необходимо проводить с применением имеющихся в науке тактических приемов и способов.

¹ Приговор № 1-61/2023 от 26 сентября 2023 г. по делу № 1-61/2023 // Офиц. Сайт. Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).

² Приговор № 1-300/2023 от 26 сентября 2023 г. по делу № 1-300/2023 // Офиц. Сайт. Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).

³ Моисеенко Е.О. Тактика поддержания государственного обвинения // Современный юрист. 2022. № 1. С. 3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Интересной, но небесспорной представляется позиция С. Л. Кисленко, касающаяся порядка представления доказательств. Им рекомендовано при исследовании доказательств в ходе судебного следствия начинать с прямых доказательств, а затем перейти к изучению косвенных [6, с. 36]. Недостаток приведенной рекомендации заключается в том, что использование прямых доказательств по уголовным делам о преступлениях в сфере лесопользования возможно в случаях совершения деяния в условиях очевидности, когда подсудимый признает свою вину, активно сотрудничает с органами расследования. В подобных случаях прокурором может быть использована и тактика постепенного усиления представляемых доказательств с изначального представления косвенных доказательств, составляющих картину совершенного преступления, с переходом к наиболее убедительным прямым доказательствам, так и наоборот.

Иначе складывается ситуация, когда подсудимый признает вину частично либо не признает вовсе, более того, опровергает обстоятельства, изложенные в обвинении, пытается представить себя для суда в лучшем свете. В таком случае его показания не следует рассматривать как доказательства стороны обвинения и тщательно планировать поддержание государственного обвинения с составлением различных планов.

Вместе с тем, как верно отметила Н. П. Кириллова, недопустимо установление прямой зависимости между признанием или отрицанием своей вины подсудимым и порядком исследования доказательств [7, с. 74]. С данной позицией следует согласиться, поскольку государственное обвинение не может строиться лишь на показаниях обвиняемого, кроме того, он может свою позицию изменить, либо вовсе отказаться от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции Российской Федерации.

Нередко сторона защиты оказывает активное противодействие, отрицая показания обвиняемого, данные в ходе предварительного расследования, заявляя о применении недозволенных методов расследования, а также о получении доказательств с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства.

При изучении материалов уголовного дела прокурору необходимо уделить внимание ходатайствам стороны защиты, при помощи которых возможно уточнить позицию обвиняемого и предположить, на какие доказательства она будет ссылаться. Однако следует помнить и о том, что сторона защиты также может выстроить свою стратегию и не заявлять ходатайства в ходе предварительного расследования о допущенных нарушениях, способных повлиять на исход дела, заявив их в суде.

Своевременное изучение материалов уголовного дела позволит выявить упущения в доказательственной базе и разработать возможные варианты своих действий по их восполнению в судебном следствии. Профессионализм государственного обвинителя способствует получению более полных и непротиворечивых доказательств.

При оценке доказательственной базы по уголовному делу государственному обвинителю надлежит обращать внимание на содержание и полноту собранных доказательств. По делам о преступлениях в сфере лесопользования важное доказательственное значение имеют протоколы осмотра места происшествия, орудий и средств совершения преступлений, заключения

экспертов и выводы специалистов в части установления причиненного ущерба. При изучении уголовного дела и подготовке к поддержанию государственного обвинения необходимо обращать внимание на соблюдение требований уголовно-процессуального закона, чтобы исключить случаи признания их судом недопустимыми либо полученными с нарушением норм УПК РФ.

Тактика государственного обвинителя во многом зависит от имеющейся в его распоряжении совокупности доказательств, полученных в ходе предварительного расследования. Если предварительное расследование проведено качественно, а уголовное дело тщательно изучено перед направлением его в суд, то для государственного обвинителя не возникнет трудностей при исследовании доказательств.

На практике же, в ходе предварительного расследования зачастую не уделяется достаточного внимания как сбору доказательств, так и их надлежащему оформлению, что может повлечь их исключение из доказательственной базы в процессе судебного разбирательства. В этом случае, прокурору следует начинать с доказательств, наименее подверженных дискредитации со стороны защиты и возможности их опровержения. Таким образом, менее значимые доказательства будут «наслаиваться» на основные, уточняя и дополняя их.

Как верно отметил В. Н. Исаенко, надлежащая подготовка прокурора к участию в судебном разбирательстве, скрупулезное изучение материалов уголовного дела, выявление пробелов предварительного расследования и процессуально ущербных доказательств, определение тактики своих действий позволят избежать негативных последствий, в том числе использования этих упущений защитником в пользу своего доверителя [8, с. 62].

Резюмируя, отметим, что государственный обвинитель наделен достаточными полномочиями, для реализации которых необходимы умение систематизировать доказательства в целостную систему, а также разработка тактико-криминалистической стратегии при поддержании государственного обвинения.

Список источников

1. Басков В. И. Прокурор в суде первой инстанции. Москва. 1968. 197 с.
2. Мариинская Н. В. Методика представления доказательств стороной обвинения в суде с участием присяжных заседателей. // Законность. 2013. № 1. С. 22—24.
3. Моисеенко Е. О. Тактика поддержания государственного обвинения // Современный юрист. 2022. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Образцов В. А., Богомолов С. Н. Криминалистическая психология. Методы, рекомендации, практика раскрытия преступлений. Учебное пособие. Москва. 2002. 273 с.
5. Ульянов В. Г. Государственное обвинение в Российском уголовном судопроизводстве (процессуальные и криминалистические аспекты). Краснодар, 2002, 390 с.

6. Данилова Н. А. Расследование преступлений в сфере банковской деятельности: вопросы теории и практики. Санкт-Петербург, 2006, 257 с.

7. Кисленко С. Л. Оптимизация доказательственной деятельности государственного обвинителя в процессе судебного разбирательства уголовных дел. // Законность. 2023. № 6 (1064). С. 36—41.

8. Кириллова Н. П. Поддержание государственного обвинения в суде. Санкт-Петербург, 2003, 148 с.

9. Исаенко В. Н. О методике государственного обвинения. // Криминалист. 2011. № 1 (8). С. 61—66.

Информация об авторе

В. Л. Шульц — аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

V. L. Shults - graduate student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Научное издание

АСПИРАНТСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ежегодная научная конференция

молодых ученых

Санкт-Петербург, 23 мая 2024 года

МАТЕРИАЛЫ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru тел.: 272-27-59

Подписано к использованию 11.10.2024.

Печ. л. 13,25. Тираж 9 экз. Заказ 27/24.

1 электрон. опт. диск (CD-R). 256 КБ.